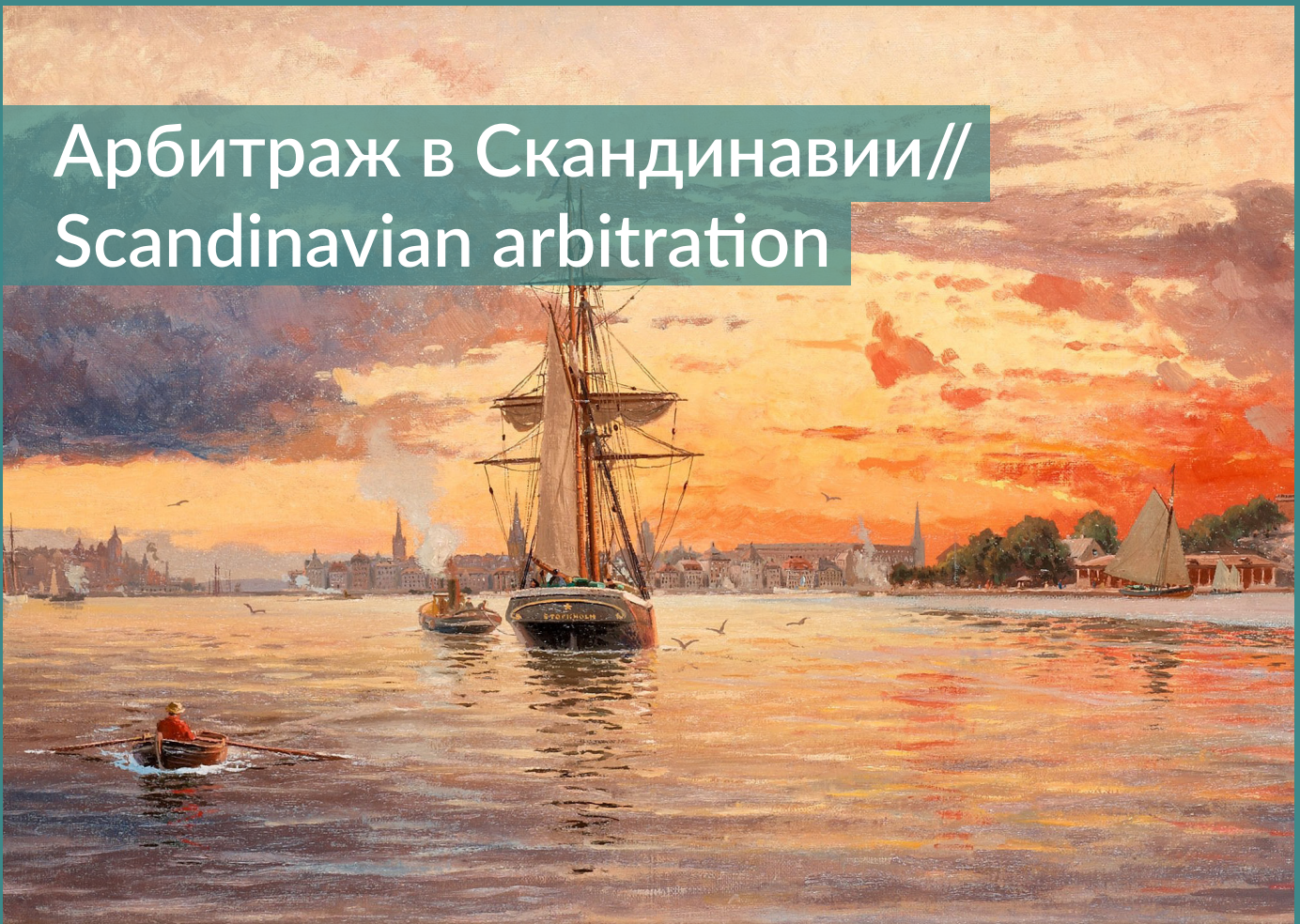

Arbitration.ru

Издание о международном арбитраже

Арбитраж в Скандинавии// Scandinavian arbitration

Интервью

Фредрик Рингквист,
руководитель
московского офиса
Mannheimer Swartling

Новости

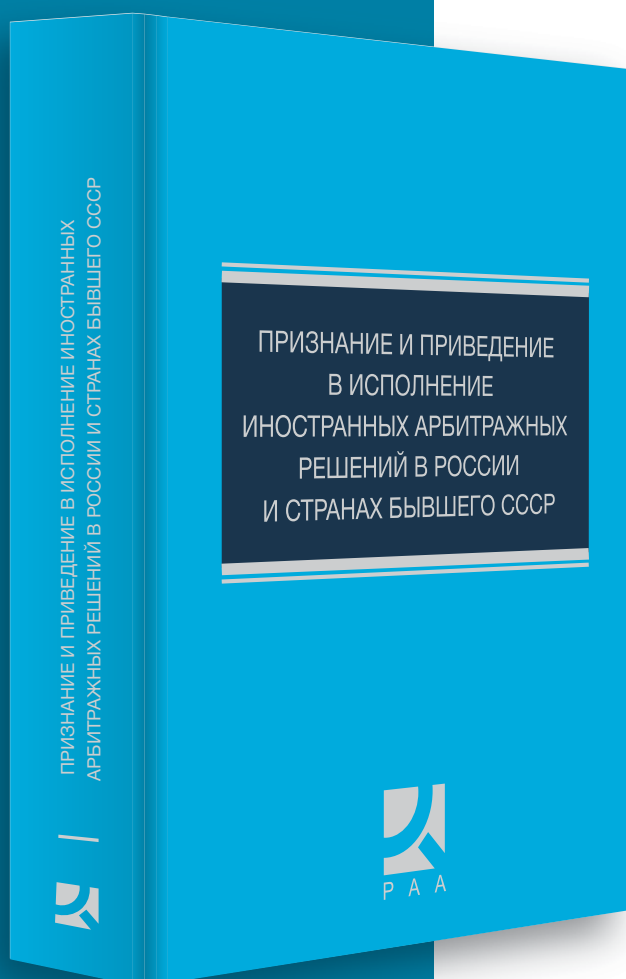
Пересмотр результатов
Олимпийских игр 2012 г.

Аналитика

Выбор арбитра в МКА

English Section

- Interview with Annette Magnusson, Secretary general, SCC
- Dissenting opinions in arbitration

В 2018 году исполнилось 60 лет Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Арбитражная Ассоциация готовит к изданию книгу, посвященную вопросам признания и приведения в исполнение иностранных решений, оспаривания и исполнения внутренних арбитражных решений в России и странах бывшего СССР. В издание включен постатейный комментарий к Нью-Йоркской конвенции, Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961, АПК, ГПК и Закону о международном коммерческом арбитраже. В книге будут также подробно освещены особенности правового регулирования в странах бывшего СССР.

Уникальной особенностью издания является подробный статистический анализ российских судебных актов об оспаривании, признании и приведении в исполнение арбитражных решений за последние 10 лет.

Твердый переплет, 800 страниц, тираж 1000 экз. В 2019 планируется издание книги на английском языке.

Не упустите рекламные возможности в книге.

The New York Convention celebrates its 60-year anniversary this year.

To celebrate this occasion, the RAA is preparing a commentary to the New York Convention and related Russian and CIS laws.

The book will offer a detailed analysis of the Russian case law on the Convention for the past 10 years.

Hardcover, 800 pages, 1000 copies, Russian language. An English language version will be released in 2019.

Advertise in the book.

EDITORIAL BOARD

Dmitry Artyukhov,
Arbitration.ru, editor-in-chief

Ekaterina Grivnova,
Paris baby arbitration, Paris, founder

Roman Zykov,
RAA, Moscow, General secretary

Lilia Klochenko,
RAA, Vienna, Member of the Board

Alexander Komarov,
VAVT, Moscow, Professor,
Chair to international private law

Elina Mereminskaya,
Wagemann Abogados & Ingenieros,
Santiago, Partner

Alexander Muranov,
Muranov, Chernyakov and partners
attorneys-at-law, Moscow,
Managing partner

Olena Perepelinska,
Integrites, Kyiv, Partner

Sergey Usoskin,
Double bridge law, Moscow, Partner

Steven Finizio,
WilmerHale, London, Partner

Vladimir Khvalei,
RAA, Moscow, Chairman of the Board

Natalia Holm,
Stockholm, Independent legal advisor

Alexander Khrapoutsky,
SBH attorneys-at-law, Minsk, Partner

Журнал Arbitration.ru № 6, февраль 2019

Учредитель и издатель:

Арбитражная Ассоциация

Адрес учредителя и издателя:

115191, Москва, Россия,

Духовской переулок 17, стр. 12, этаж 4

+7 (495) 201-29-59

На обложке: Якоб Хогг. Закат над заливом Стокгольма. Холст, масло. 1916 г.
Cover image: Jacob Hägg. Sun setting over the sea-approach to Stockholm. Oil on canvas. 1916.

Главный редактор:

Дмитрий Артюхов

editor@arbitrations.ru

Ассистент

редакции:

Ирина Стрелковская

Корректор:

Татьяна Левицкая

Возрастное ограничение 16+.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Издание является информационным. Опубликованные в издании законодательные акты, решения судов и другие юридические документы могут изменяться и должны быть запрошены через соответствующие институты и ведомства.

CONTENTS

English section

- 6 **INTERVIEW WITH ANNETTE MAGNUSSON, SECRETARY GENERAL, SCC**
- 9 **THE ARBITRATION INSTITUTE OF THE STOCKHOLM CHAMBER OF COMMERCE (SCC)**
Irina Strelkovskaya, RAA, Moscow
- 11 **SWEDEN: ARBITRATION LEGISLATION AND CASES** *Stefan Bessman, Anina Liebkind, Magnus Stålmårker and Farzad Niroumand, Baker McKenzie, Stockholm*
- 14 **THE FINLAND ARBITRATION INSTITUTE STATISTICS FOR 2018** *FAI*
- 19 **DISSENTING OPINIONS AND WHY THEY SHOULD BE TOLERATED**
Christer Söderlund, Senior Counsel, Morssing & Nycander, Stockholm
- 24 **A NEW AGE FOR THE INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION LAW (ICAL) LL.M. PROGRAMME AT THE STOCKHOLM UNIVERSITY** *Daria Kozłowska, Senior Lecturer in International Procedural Law with specialization in International Commercial Arbitration Law, Stockholm University*
- 26 **RUSSIA IS NOW FINALLY CLOSED FOR ARBITRATION ADMINISTERED BY FOREIGN INSTITUTIONS**
Taisiya Vorotilova, Vladimir Khvalei, Baker McKenzie, Moscow
- 28 **UWO'S AGAINST RUSSIAN-SPEAKING PARTIES** *Ben Wells, Associate, Pinsent Masons LLP*
- 31 **WOMEN IN ARBITRATION CONGRESS, PERU** *Olena Perepelinskaya, Integrites, Partner, Ukraine, Elina Mereminskaya, Wagemann Abogados & Ingenieros, Partner, Chile*
- 33 **«НЕ СПЕЦИАЛИЗИРУЙТЕСЬ НА АРБИТРАЖЕ СЛИШКОМ РАНО!» ИНТЕРВЬЮ С РУКОВОДИТЕЛЕМ МОСКОВСКОГО ОФИСА MANNHEIMER SWARTLING ФРЕДЕРИКОМ РИНГКВИСТОМ** *Дмитрий Артюхов, Главный редактор Arbitration.ru, Москва*
- 39 **ЗАКОН ШВЕЦИИ «ОБ АРБИТРАЖЕ»: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ** *Татьяна Михалева, старший юрист, Mannheimer Swartling, Москва*
- 43 **СЕМИНАР ОБ АРБИТРАЖНОЙ РЕФОРМЕ 2019 ГОДА В ШВЕЦИИ** *Роман Зыков, РАА, Генеральный секретарь, MANSORS, партнер*
- 47 **АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ШВЕДСКИХ СУДАХ, РАССМАТРИВАЮЩИХ ДЕЛА, СВЯЗАННЫЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ АРБИТРАЖЕМ** *Наталья Хольм, независимый советник по юридическим вопросам, Стокгольм*
- 52 **ПРИЗНАНИЕ РЕШЕНИЙ SCC В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ** *Александр Храпуцкий, партнер, Валерия Сильченко, младший юрист, адвокатское бюро «Сысуев, Бондарь, Храпуцкий СБХ», Минск*
- 55 **ОБЗОР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ РФ** *Валерия Пчелинцева*
- 63 **КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ... МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ И ПЕРЕСМОТР РЕЗУЛЬТАТОВ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 2012 Г.** *Наталья Кислякова, юрист, Адвокатское бюро КИАП, Москва*
- 65 **К ДИСКУССИИ О ВЫБОРЕ АРБИТРА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ** *Ян Калиш, юрист «Рыбалкин, Горцунян и партнеры», Москва*

ОТ РЕДАКЦИИ

Vladimir Khvalei
Russian Arbitration Association,
Chairman of the Board

Dear colleagues,
this edition is devoted to arbitration in Scandinavia, and mainly in Sweden (to read - under the Rules of the Arbitration Institute at the SCC). Being for many years not only a neutral place for resolving East-West disputes, but also having arbitration-friendly law and judiciary, Sweden really deserves the important place it takes in arbitrations involving Russian parties.

While Russia is also trying to make itself more attractive as a place for arbitration, it will take time before these efforts will produce tangible results. The Swedish experience is certainly worth noting in terms of what should be done in order to achieve it.

Дмитрий Артюхов
главный редактор Arbitration.ru

В 2002 году мне попала в руки книга шведского поэта Тумаса Транстрёмера «Избранное» (Samlade Dikter). Меня поразил ритм его стихов и мелодика скандинавского языка. Из непонятных слов в моем воображении возникали четкие и законченные предметы на фоне северного моря, отделенные друг от друга огромным расстоянием интонационных пауз, — облака, чайки, острова. Тогда я только поступил в университет, и мир казался безграничным.

Думаю, сегодня в мире гораздо больше границ — по крайней мере тех, которые нам пытаются навязать. На повестке дня санкции, контрсанкции, нейтралитет... И я вспоминаю одно из стихотворений Транстрёмера, «Ход истории»:

*Пришла пора для весеннего времени,
Избавит скоро от снежного бремени.
Тепло таилось в лесной глубине,
Вдруг треск раздался в ночной тишине.
Когда на озере было безлюдно,
Событие это созрело подспудно.
Плоды истории зреют похоже,
Событий нити в ней дергать негоже.*

Мы смотрим на мир через призму арбитража и видим другие культуры, политику, поэзию. Мы пишем о причинах. Мы расширяем границы.

*Annette Magnusson
Secretary General, SCC*

ARBITRATION.RU MEETS ANNETTE MAGNUSSON, SECRETARY GENERAL, SCC:

*“The fundamentals
of arbitration will not
change, but the tools will”*

The movie *“The Quiet Triumph – How Arbitration changed the world”* beautifully tells how arbitrators contributed to resolution of political and trade conflicts worldwide, facilitating trade and thus helping to diminish poverty. Who came up with the idea of the movie?

The idea of a movie to celebrate the SCC 100 year anniversary was born in 2014 when I ran into Gerald Aksen at the IBA Annual Meeting in Boston. We started talking about his experience from the early days with the SCC in Stockholm, and it just occurred to me this was a story we needed to capture. And the idea of a movie where the main players from the SCC history shares their experience was born. In the following years we travelled to Beijing, Moscow and New York for interviews, and of course we also made interviews with key persons in Stockholm.

As the project evolved we had many discussions on the content with the director Martin Borgs. My ambition from the very start was to communicate the big picture. I felt strongly at the time that not enough was done to speak about the positive elements of arbitration and its

accomplishments globally. We wanted to use this opportunity to put the spotlight on the immense value of international arbitration for trade, economic development and peace. Anyone involved in international arbitration should feel proud when they left the movie theatre. And I wanted people outside arbitration to learn something new.

We were lucky to be able to involve many amazing persons in the project, not least Nina Lagergren and her family who shared generously with their time and content from the family archives of Gunnar Lagergren.

Are there plans to shoot the next movie and, if yes, what would you devote it to?

There are no immediate plans for another documentary, but I am sure in the coming years we will see an increase in the use of film and videos to share what international arbitration is all about.

In 2017 we launched an international competition to crowd source international law – the Stockholm Treaty Lab – and video has been an

important part of describing both the purpose of the competition, but also the outcome, which was announced in 2018.

In the movie, the SCC is shown as a historic hub for Russia-Western disputes, alongside China. Will the trend of the caseload of SCC drift forward China-Western disputes?

It is certainly true that historically, the SCC's first international cases did involve Soviet parties. Since then the SCC case load has become quite diverse in terms of nationalities, and today we see 35-40 different nationalities annually among SCC parties.

The character of disputes has also become more diverse. We have for example seen an increase of investment and pricing disputes, which were almost unknown in the early days. And given the general trends but also our specific experience of East-West, I would not be surprised if we would see an increase of cases from China ahead, but we also have a strong presence in the Baltic Area at large.

Do you see the same trends for international and domestic disputes?

Ad hoc arbitration has always had a very strong foothold in Sweden, but in recent years our domestic cases have increased quite substantially, which suggests that the SCC's efforts in improving the rules and making them user-friendly produced results. As in the international caseload we see a significant number of energy-related contracts. Another parallel type of cases in domestic and international cases are M&A disputes. On the domestic side these disputes account for approximately 25 – 30% of the caseload.

What are the most common mistakes counsel make when submitting a claim or a claim to the SCC?

The majority of counsel we see are very professional, and many also appear before us regularly which means they are familiar with SCC routines and procedures. This serves their clients well in terms of efficiency.

I would say there is no common general "mistake" we see from counsel. Clarity is of course always extremely important, as is to make sure to study the rules carefully. Not all institutions are the same.

Sometimes details demonstrate procedural differences between different jurisdictions. One example is when parties claim "any other relief the tribunal may deem fit." This claim cannot result in any new relief, as Swedish arbitration law requires that prayers for relief should be clear and specific.

In Russia, ad hoc arbitration is now nearly banned. What is the opinion on ad hoc arbitration in Sweden? Is it a rival to the SCC?

Arbitration has been deeply embedded in the Swedish tradition for many centuries, and enjoys great acceptance not only among business at large but also from courts and legislators. And traditionally this has meant ad hoc arbitration. But in recent years institutional arbitration has become more used also in domestic cases. I would say there is no real rivalry; there is no "one size fits all" and each contract needs to be assessed individually. But given the growing number of domestic SCC cases I would say that more and more users are seeing the advantages of institutional arbitration, which of course we welcome.

The SCC team also works with various forms of proceedings, including non-administered arbitrations, providing the parties and ad hoc tribunals with services such as appointments, record-keeping and fund-holding.

Is SCC planning to opt for permission to open a branch in Russia?

The SCC does not have any plans to open a branch in Russia at this time.

If we try to imagine international commercial arbitration in ten years ahead, how do you think it will be different from today?

The fundamentals of arbitration will not change, but the tools will. Perhaps the biggest change

will be more technically advanced tools. Digital platforms will likely replace today’s communications by e-mail and various postal/courier services. Hard copies will disappear while electronic filing and document sharing systems will provide smooth and seamless document flow for everyone involved in the case.

Another consequence of digitalization is the increasing use of AI. It is still very early and not clear where this will take us in ten years, but I am sure big data and computer learning will play important roles in arbitral processes in the future.

STOCKHOLM

the capital of Sweden

Year:	Area:	Population:	The highest point:
1187	188 km ²	939 238 people	Kaknä Tower 170 m

Sight

Drottningholm

is a palace, which is the residence of Swedish kings since 1981. The attraction in 1991 was officially included in the UNESCO World Heritage List.

The palace complex was built by King Juhan III of Sweden. However, the castle burned down in 1662. Subsequently, Queen Hedwig Eleanor ordered to build a new palace.

The palace surprises with a worthy realization of the Baroque style. Behind this object is a unique court theater, which is one of the oldest in the whole world.

Drottningholm is surrounded by a wonderful park complex, which includes French gardens, gazebos and labyrinths, English gardens with picturesque lawns and ponds.

Arbitration Institute

Arbitration Institute at Stockholm Chamber of Commerce

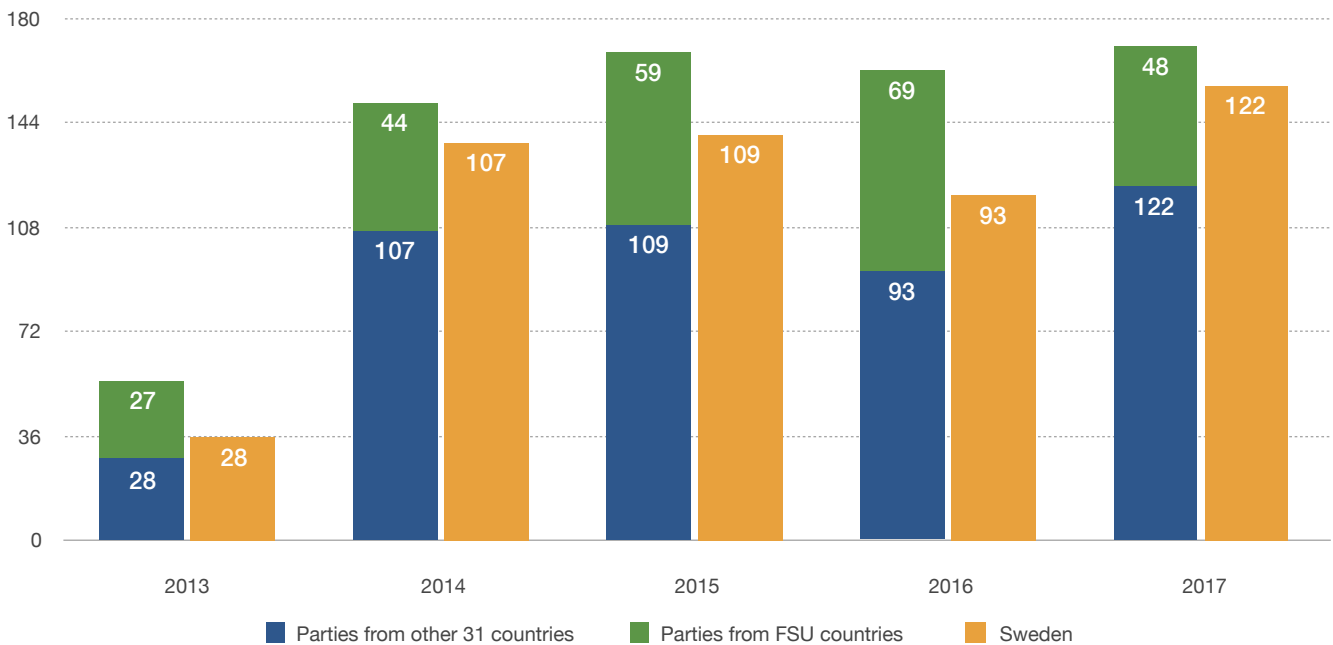
THE ARBITRATION INSTITUTE OF THE STOCKHOLM CHAMBER OF COMMERCE (SCC)

Statistics for 2013-2017 from <https://sccinstitute.com/statistics/>
Prepared for publication by Irina Strelkovskaya, RAA

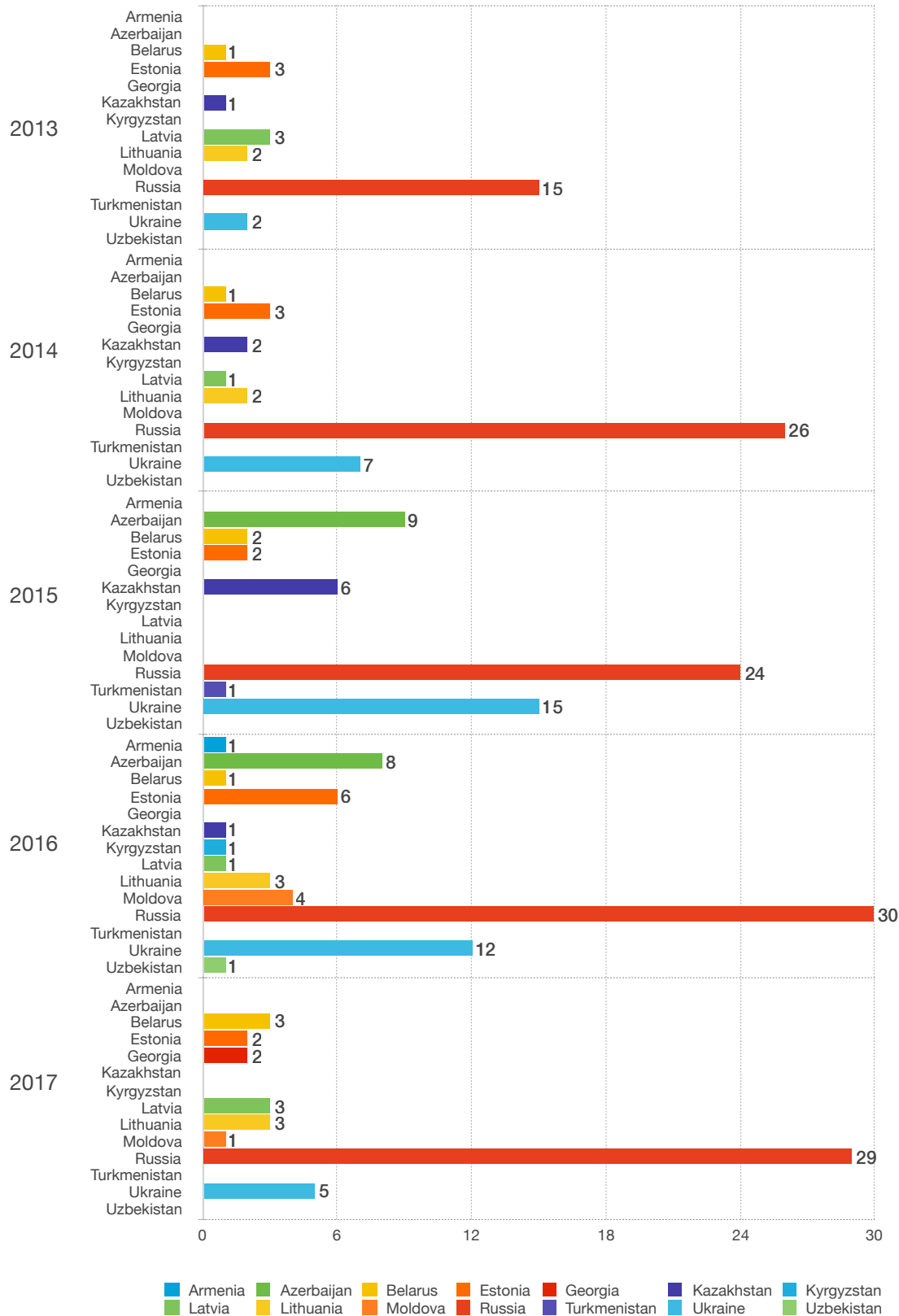
The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (SCC) is one of the world's leading institutions for dispute resolution. From 2012 to 2016 the SCC administered 465 domestic and 478 international disputes.

This infographic shows how many parties from FSU chose to resolve their disputes with the SCC in 2012-2016.

Nationality of the parties 2013-2017

Parties from FSU countries 2013-2017

SWEDEN: ARBITRATION LEGISLATION AND RULES

Baker McKenzie, Stockholm

Stefan Bessman

Partner

Anina Liebkind

Senior Associate

Magnus Stålmarker

Senior Associate

Farzad Niroumand

Associate

Legislation

On 21 November 2018, the Swedish legislature passed a revised Swedish Arbitration Act (“SAA”). The proposed amendments are intended to make the arbitration process more efficient and more easily accessible, especially for foreign practitioners, ensuring that Sweden continues to be an attractive venue for international dispute resolution. The revised SAA is set to enter into force on 1 March 2019.

Some of the key amendments to the SAA are described below.

Multi-party arbitrations

Regarding multi-party arbitrations, the amendments to the SAA entail that if an arbitration is commenced against two or more respondents and they cannot agree on the appointment of an arbitrator, the latter should be appointed by the District Court. If a respondent has already appointed an arbitrator, the latter shall be released.

Consolidation of two or more arbitrations into single arbitration proceedings

In its current form the SAA does not contain any provisions governing consolidation. However, the revised SAA provides that two or more arbitrations may be consolidated if the same arbitrators are appointed in all arbitral proceedings, the arbitrators decide that consolidation is beneficial to the arbitrations and the parties do not object.

Determination of the applicable substantive law by the arbitral tribunal in case of absence of an agreement between the parties

The revised SAA gives arbitrators an explicit mandate to determine the applicable substantive law in the absence of party agreement. The SAA does not regulate on which grounds the arbitrators shall make such a determination. If the parties have so agreed, the arbitral tribunal shall decide the dispute *ex aequo et bono*.

The excess of mandate ground for challenging an award is revised to require that the excess of mandate must have affected the outcome of the dispute.

The revised SAA introduces a provision, requiring the party challenging an award on the grounds of excess of mandate to prove that the outcome of the dispute has been affected by the excess of mandate.

Shorter term for setting aside the arbitral award

The revised SAA will reduce the timeline for applications to set aside an arbitral award from 3 months to 2 months from the date when the party received the award.

Independence of the arbitrators

Furthermore, emphasis is placed on the independence of the arbitrators. The current SAA only requires the arbitrators to be impartial. The amendments have extended the arbitrator to be not only impartial, but also independent.

The possibility to appeal an Appeal Court's decision to the Supreme Court requires leave to appeal.

The revised SAA introduces a leave to appeal requirement if a party wishes to appeal the local Appeal Court's decision on challenge. This enables the Supreme Court to limit its examination to issue(s) of precedential value.

CASES

Enforcement of a Foreign Arbitral Award in Sweden

The Supreme Court¹ rejected the enforceability of a Norwegian arbitral award in Sweden on the basis that the award was clearly incompatible with applicable EU legislation. The case concerned a non-compete clause in a contract between a Norwegian and a Swedish party that prohibited the Swedish party from entering into contracts with other suppliers for a period of two years. Such provision was in breach of mandatory Swedish and EU competition law.

Despite the fact that the enforceability of the arbitral award was not an issue that had been raised by the parties at an earlier stage, the Supreme Court held that the enforceability of the award was a factor that needed to be considered by the court. The Supreme

Court further confirmed its previous position that there was a need to safeguard that arbitral awards do not conflict with compulsory Swedish and EU competition law.

The Right for a Party to Present its Case in the Arbitral Proceedings

The Supreme Court² refused the recognition and enforcement of a foreign arbitral award on the grounds that the Respondent had not been given an opportunity to present its case in the arbitration.

The case concerned an arbitral proceeding conducted in Russia in accordance with the International Arbitration Court at the Chamber of Commerce of the Russian Federation. The parties had on several occasions informed the tribunal that they sought to settle the dispute and had therefore requested the hearing to be postponed. The parties could not reach a settlement and subsequently the Respondent requested the tribunal for time to submit its statement of defense, which was denied. The arbitral proceeding was conducted without the Respondent submitting a statement of defense and a decision was made in the Claimant's favor.

The Supreme Court concluded that the arbitral award could not be enforced since the Respondent had not been given an opportunity to present its case on the merits. The fact that the tribunal had disregarded basic principles of due process in conjunction with the prohibition in challenging the award in Russia, prevented the recognition and enforcement of the arbitral award in Sweden.

Losing the Right to Challenge an Arbitral Award

The Supreme Court³ held that a party had lost its right to object to an arbitral award on the grounds that it had knowingly delayed to make its objections until after the arbitral award.

The case concerned a Swedish and a Serbian party who had entered into an agreement with an arbitration clause that stipulated the procedure for the appointment and composition of the arbitral tribunal and for the use of ad hoc arbitration in Serbia. The Claimant initiated arbitral proceedings against the

¹Case no. NJA 2018 s. 323.

²Case no. NJA 2018 s. 291.

³Case no. NJA 2018 s. 504.

Respondent in Serbia. The Respondent failed to respond to the request, did not submit a statement of defense and failed to attend the main hearing. The Claimant was awarded damages and sought to enforce the award in Sweden. The Respondent challenged the arbitral award on the grounds that the arbitration proceedings were contrary to the parties' agreement on ad hoc arbitration.

The Supreme Court stated that parties to an arbitral proceedings were generally barred from objecting to the proceedings on grounds that they were aware of at an early stage of the proceedings. An objection to an arbitral proceeding should be made at the initial stage of the proceedings. A party that knowingly delayed an objection should be precluded from making such objection at a later stage. The court also went on to note that a party was precluded from making objections regarding the arbitral tribunal until after the award. The Supreme Court upheld the Appeal Court's decision and concluded that the Respondent had been informed of the arbitral proceedings but subsequently had failed to raise any objections. The Respondent was thus barred from challenging the arbitral award.

The Arbitral Tribunal had exceeded its mandate

The appellant (respondent in the arbitration proceedings) challenged the award under item 2 of Section 34 of the SAA, requesting that the Court of Appeal annul the award in its entirety, or alternatively in part.⁴ The challenging party argued three separate grounds for annulment. First, that the tribunal had decided issues that were not covered by a valid arbitration agreement between the parties. Second, the tribunal exceeded its mandate by failing to review the dispute in accordance with the parties' instructions. Third, the tribunal committed a procedural error by not providing the party an opportunity to argue its case. This final argument was based on a claim that the tribunal did not allow for extensions of time or for the appointment of an independent expert. Therefore the challenging party argued that the award should be annulled in its entirety or alternatively partially due to excess of mandate and/or material procedural error.

The respondent in the challenge proceedings

(claimant in the arbitration) claimed that there was a valid arbitration agreement covering the matters in dispute, and that the parties had agreed that the additional works in question would be covered by the arbitration clause, or at least such an agreement came into existence because of the respondent party's passivity and implied actions. The respondent further argued that the tribunal had not committed any procedural errors in its handling of the case, because it was reasonable not to allow extensions of time and that in determining the date for interest accrual the tribunal had undertaken a review on the merits and no procedural error was made. The respondent further argued that if an error was made, it had no effect on the outcome of the arbitration, or alternatively was caused by the other party.

The Appeal Court partially annulled the award. It held that the determination in relation to compensation for additional works was not covered by a valid arbitration agreement. Additionally the Appeal Court found that the arbitral tribunal in its award had based its decision in relation to interest on an incorrect assumption, that the parties agreed that interest calculation should be based on the invoice date. The Appeal Court reasoned that a procedural error occurred which would likely affect the outcome and this was not caused by the challenging party.

However, the Appeal Court dismissed the final argument that the challenging party had not been provided a reasonable opportunity to present its case. The Appeal Court considered that the tribunal did not fail in its management of the proceeding by not granting extensions of time or rejecting the challenging party's request for the appointment of a non-partisan expert.

The Appeal Court held that the award compensation for additional works and other interest amounts are clearly separable from other parts of the award. Therefore the Appeal Court partially annulled the award to the extent that the operative part of the award dealt with the amount for additional works and interest.

⁴ Svea Court of Appeal, case no. T 6247-15.

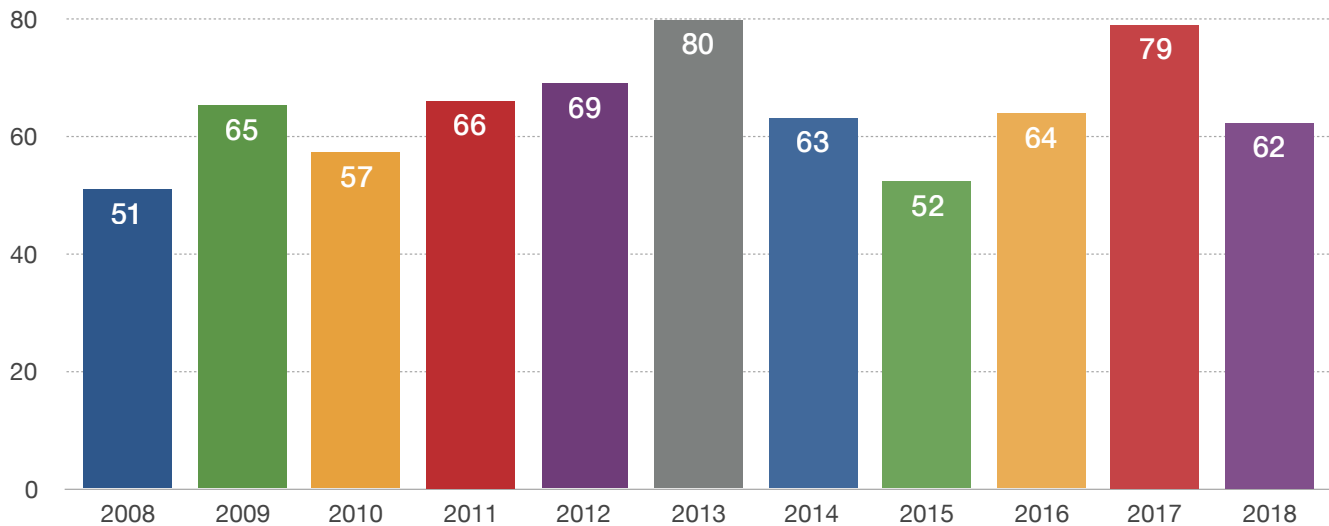
THE FINLAND ARBITRATION INSTITUTE STATISTICS FOR 2018

Annual caseload reached a good level:

In 2018, 62 new cases were filed with the FAI, a figure close to the average level seen in the last decade, with record highs in 2013 (80 cases) and 2017 (79 cases).

Number of cases by years

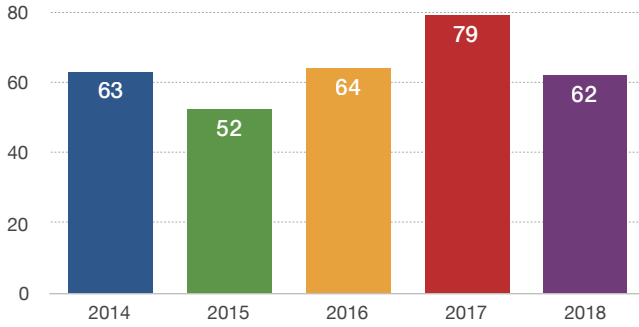

Fast proceedings:

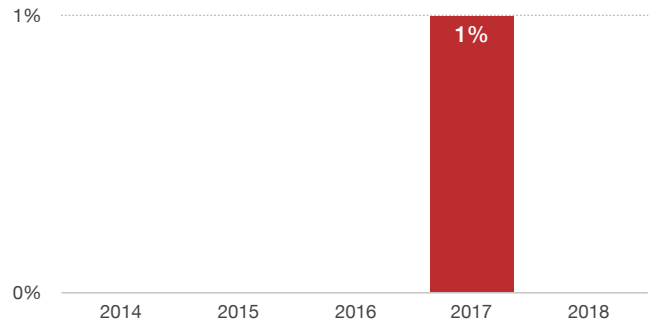
The median duration of FAI arbitrations and FAI expedited arbitrations is consistently within the time limits set in the FAI Arbitration Rules and FAI Expedited Rules for the rendering of the final award, i.e. 9 months and 3 months, respectively, although extensions have been requested and granted in some complex cases or pending settlement negotiations.

The, by international standards, short duration of FAI arbitrations may probably explain why FAI arbitration users have not seen a need to use expedited arbitration more often. As in previous years, in 2018, most of the cases were administered under the FAI Arbitration Rules (89%), while only 3% of the cases were administered under the FAI Expedited Rules. Ad hoc arbitrations—where the FAI was merely called upon by the parties to nominate the arbitral tribunal—accounted for 8% of all the cases. In 2018, no mediation cases were filed.

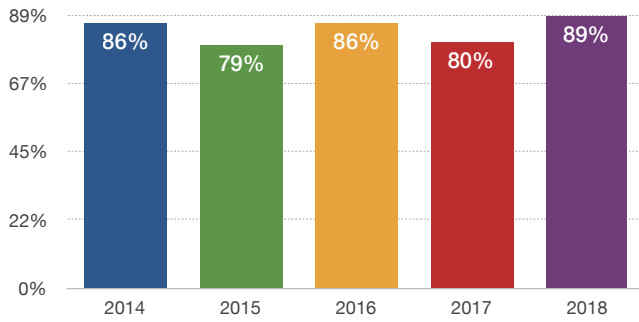
Number of Requests

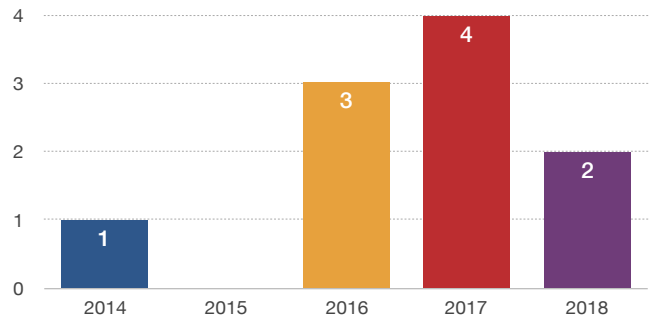
Meditation

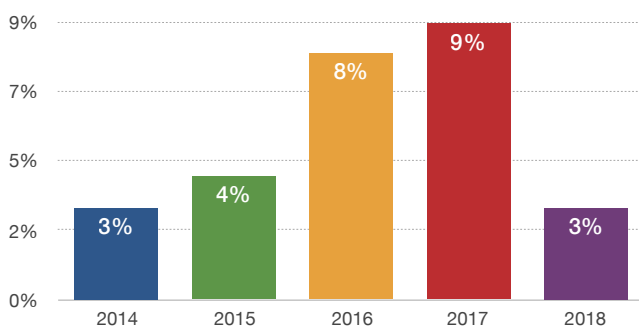
Cases under the Arbitration Rules

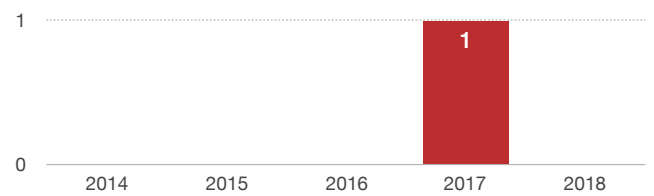
Requests for consolidation of arbitrations

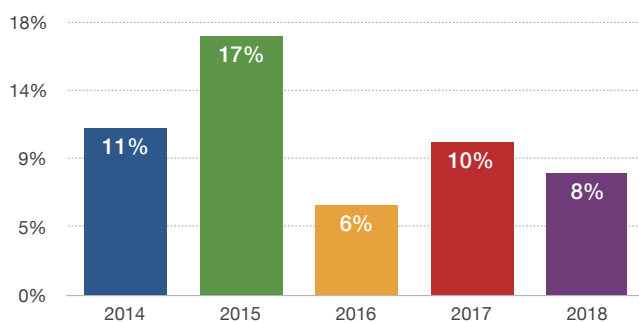
Cases under the Rules for Expedited Arbitration

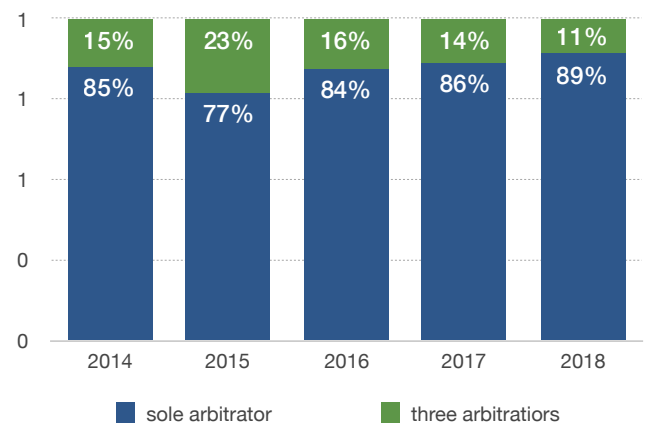
Requests for Joinder

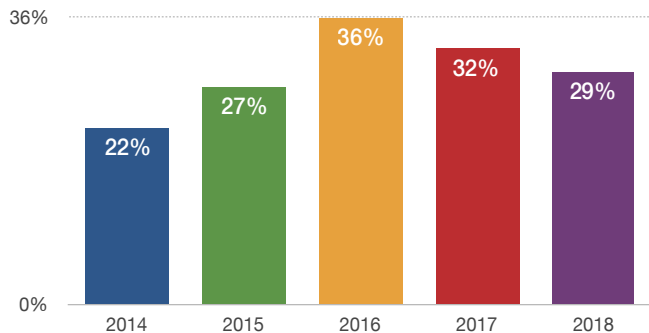
Ad hoc cases

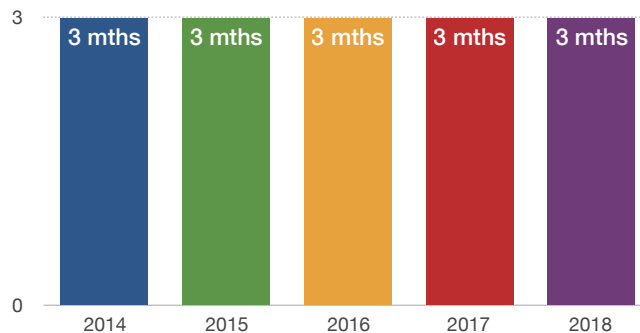
Composition of the Arbitral Tribunal - 2014

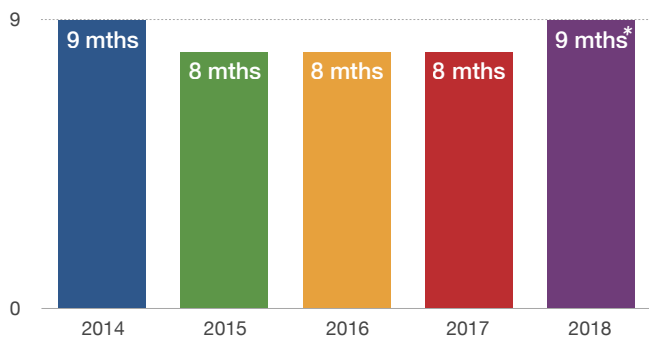
International cases

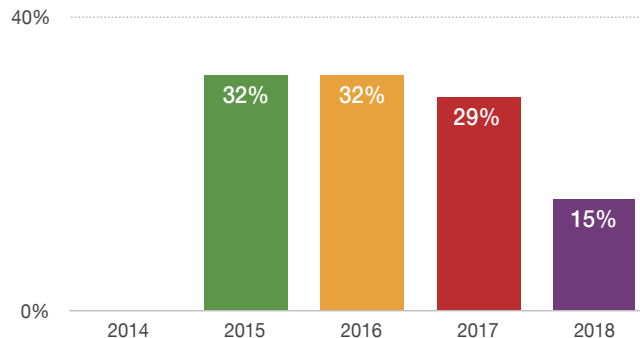
Median duration of arbitrations under the Rules for Expedited Arbitration

Median duration of arbitrations under the Arbitration Rules

Percentage of female arbitrators and mediators directly appointed by the FAI

* In 2017, the median duration of arbitrations conducted under the 2013 Arbitration Rules was 8 month

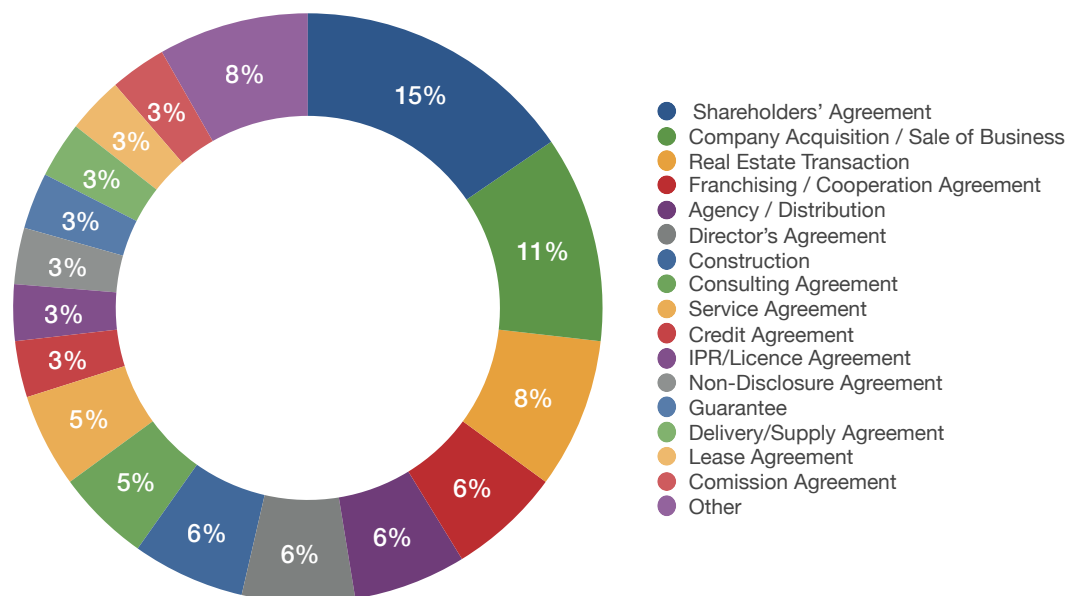
Provisions concerning multi-party and multi-contract proceedings are used to a certain extent:

Like in previous years, an important number of FAI arbitrations involved complex disputes, including many multi-party and multi-contract proceedings. Since the adoption of the 2013 FAI Rules, the FAI has received 10 requests for consolidation: eight of these were accepted and two denied. In four cases, all parties to all the arbitrations specifically agreed to and jointly requested consolidation. In 2018, two applications for consolidation were filed and granted. Only one request for joinder has been filed with the FAI.

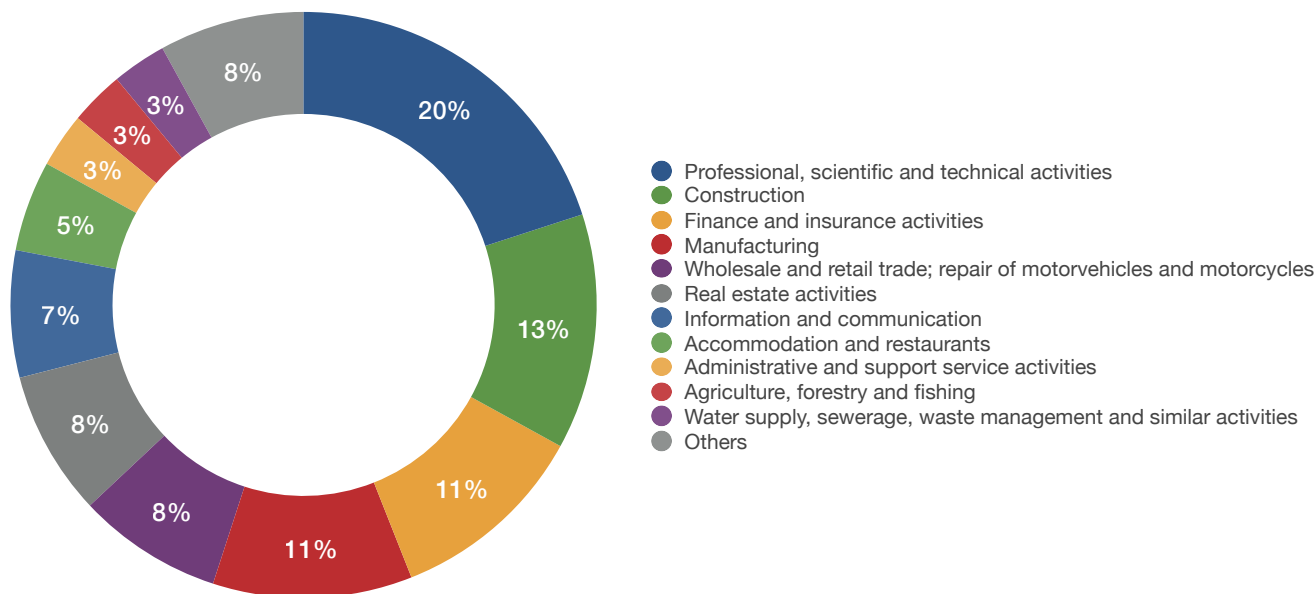
More diversification in the subject matter of disputes:

Compared to previous years, in 2018, more diversification was seen in the subject matter of disputes filed with the FAI. The top three categories of disputes were disputes relating to shareholders' agreements (15%), company acquisitions/sales of business (11%) and real estate transactions (8%), followed by disputes relating to franchising and co-operation agreements (6%), agency and distribution agreements (6%), director's agreements (6%) and construction agreements (6%). Moreover, 55% of the disputes related to the following sectors: manufacturing (11%), finance and insurance (11%), construction (13%), and professional, scientific and technical (20%).

Categories of disputes

Dispute Sectors

Consistent share of international cases:

In 2018, the share of international cases (in which at least one of the parties is not Finnish) continues to be approximately one third of the total caseload (29% in 2018).

Participant	As Claimant	As Respondent	Total Number of Parties
Finland	57	81	138
Sweedden	2	1	3
Luxemburg	0	3	3
United States of America	2	1	3
The Netherlands	2	0	2
Belgium	1	0	1
France	1	0	1
Italy	1	0	1
Latvia	1	0	1
Lithuania	1	0	1
Norway	1	0	1
United Arab Emirates	1	0	1
Estonia	0	1	1
Russia	0	1	1
Taiwan R.O.C.	0	1	1
Turkey	0	1	1
Total	70	90	160

Confirmation of Arbitrators:

In 2018, the confirmed arbitrators included Finnish, French, German, Lithuanian, Swedish and Swiss nationals. According to the FAI Rules, all nominations of an arbitrator made by the parties or party-appointed arbitrators as well as the appointments by the FAI Board are subject to confirmation by the FAI. Since the adoption of the 2013 FAI Rules, the FAI has made more than 350 decisions on confirmation. In 19 cases, one of the parties objected to confirmation. The FAI Board was called upon to decide the objection in 12 cases; in seven instances, the arbitrator candidate voluntarily withdrew. Objections were dismissed in 11 cases and sustained in one. After the objection procedure was introduced in the FAI Rules, there have only been five challenges to an arbitrator. Two challenges were denied on the merits; one was denied without examining the merits as it was filed after the sole arbitrator had already rendered the final award; one was not decided because of the termination of the proceedings; one was sustained.

FAI continued to fulfill its commitment to gender diversity: During 2018, the FAI continued with its tradition of equal appointment of male and female arbitrators, a long-lasting commitment to gender diversity reaffirmed in 2016 by the signing of the Equal Representation in Arbitration Pledge, a global initiative to promote gender diversity in arbitration. The drop in the share of women arbitrators—15% in 2018, while 29% in 2017—can be explained by conflicts of interest and lack of availability of several female arbitrator candidates contacted for appointments. As in previous years, more gender diversity was observed in appointments/nominations made by the FAI Board (15% of the appointees/nominees were female) than in nominations made by the parties (6% of the nominees were female) or party-nominated co-arbitrators (no female nominees).

DISSENTING OPINIONS AND WHY THEY SHOULD BE TOLERATED

Christer Söderlund
Senior Counsel, Morssing & Nycander, Stockholm

Many years ago I heard a remarkable story from a seasoned arbitrator; this was from a time when he acted as counsel for a claimant party in a major arbitration at a seat which was not his home seat. At the end of the arbitration – when sitting in his hotel room in the evening – there was a knock at the door and it appeared that one of the arbitrators wanted to raise an issue with him. He said: We have progressed somewhat in our deliberations and we have come to a realization which prompts the following question: You may obtain an award for the entire claim presented with one dissenting arbitrator and you may receive a unanimous award for 50% of the amount. Which one do you want?

One may immediately be struck by the utter inappropriateness of such an initiative from one of the arbitrators (this was long ago, arbitrators today would not stray so totally off course). But still, on some level there was some justification in the approach: This party was going to win the case – and in such circumstances it would not seem so unfair to give it the advantage of choosing between a 100% success with a dissent and a 50% success with a unanimous tribunal. Because, what does the tribunal know, perhaps a unanimous award for half is worth more than an award for the full amount tainted by a dissent? A winning party is not involved in some lofty quest for justice but will seek to enforce the award at the best possible terms. Often the enforcement has to take place in the opposing party's home jurisdiction and a dissent from a "local" arbitrator may well impact negatively on efforts to enforce.

So, this demonstrates one thing – dissents are not desirable. They detract from the authority of the award and they may jeopardize the enforcement. They may also give grounds for – or at least encourage – losing parties to seek annulment of the award.

Looking at it this way one may well ask whether dissents should be allowed at all?

The answer is that dissents necessarily must be allowed, while, at the same time, they certainly should not be encouraged. And they should be allowed, however grudgingly, despite their generally negative influence on the authority of the award proper.

Dissenting opinions are a relatively rare occurrence

One may note that national arbitration laws generally do not mention dissents. Neither do the UNCITRAL ad hoc arbitration rules, or institutional rules¹. In the investment arbitration area one may note that the IC-SID Convention in its Article 48(4) provides that “[a]ny member of the Tribunal may attach his individual opinion to the award, whether he dissents from the majority or not, or a statement of his dissent”.

The general silence of arbitration laws and rules on the topic of dissenting opinions does not operate as a bar against such manifestations of arbitrator opinion, but testifies to a general feeling of discomfiture at the phenomenon as such. And arbitral institutions and tribunals do deal with such occasional discord. A dissenting arbitrator is entitled to have his or her opinion made known, normally in the context of the award being handed out to the parties.

Dissenting opinions are relatively rare occurrences. According to statistics by the ICC in the period 2009-2011, the number of unanimous awards

represented 83% of the total number of awards, while dissenting opinions represented a number of 16 %. Cases where the party appointed arbitrators differed from the presiding arbitrator were exceedingly rare, actually less than 1%.² So, it is practically always a party-appointed arbitrator that dissents, but occasionally it happens that the party-appointed arbitrators take issue with their presiding arbitrator.³

A dissent is not part of the award, and, consequently, will not be scrutinized by the ICC. It will be reviewed, however, as a part of the scrutiny process relating to the award itself.

Dissenting opinions are not awards and do not form part of an award. This means that they will not be the subject of scrutiny in an ICC arbitration. The award should, in all circumstances, be signed also by the dissenter, and a dissenting arbitrator should not refuse to sign the award on account of the dissent. In fact, some jurisdictions require that the reason for an arbitrator’s refusal to sign is noted in the award.⁴

Different categories of opinions

Dissenting opinions find expression in a wide-ranging variety of ways, but most frequently in a separate document which is “limited to giving a different view on discrete issues that have caused disagreement between arbitrators”.⁵

Dissenting awards may express differences of opinion not only in respect of the conclusion of the tribunal but also as regards the reasoning where the conclusion will be unaffected. There are also separate opinions which differ in neither respect, but where the arbitrator has felt a compelling need to expand on a certain line of reasoning or with respect of a partic-

¹ On a topical note it may be mentioned that the 1999 SCC Arbitration Rules explicitly stated that “[a]n arbitrator may attach a dissenting opinion to the Award”. This provision was innocuously left out in the next revision of the Rules in 2007 with no change in substance intended.

² J Fry, S Greenberg, F Mazza, *The Secretariat’s Guide to ICC Arbitration*, ICC Publication 729 (Paris, 2012), Table 35 at section 3-1131

³ This happened in the well-known Tokios Tokelés case, where the Chairman, Prof Prosper Weil, wished to assert jurisdiction but could not bring his co-arbitrators aboard. Prof Weil, as a consequence, resigned from the Tribunal.

⁴ This is the case, for instance, of Sweden, Article 31 of the Arbitration Act

⁵ *Ibid*, at section 3-1143(b)

ular legal issue raised by the case. These categories of opinions are named in different ways, e.g. “Separate and Dissenting Opinion” (Hochtief), “Concurring and Dissenting Opinion” (Impregilo), “Declaration” (SGS v Philippines), depending on their general thrust and direction.

Ways to express disagreement

As is well known, dissents are usually expressed in the form of a separate declaration. But disagreement may not necessarily be expressed in this way. Oftentimes a dissent (or the elaboration of a particular issue) is included in the running text of the award proper. This is particularly the case where the disagreement is limited to a discrete issue that may play a less dominant role overall and where a separate declaration would be unnecessarily cumbersome. Usually one would see language such as “...the arbitrator [name] disagrees in respect of the relevance of...”. The anonymous alternative of writing “...one arbitrator begs to differ as regards the computation...” is also seen occasionally. There is of course nothing that proscribes the practice of such anonymous dissents, but based on the view expressed in this paper misses the point. The rare instance of dissent must reasonably be driven by an arbitrator’s wish not to be associated with a particular point of view to which he or she cannot subscribe. This sole, legitimate reason to dissent is of course not achieved by way of anonymity. And, in any event, it does not normally require much acumen to figure out the identity of the anonymous dissenter.

Obviously, dissents ought not to engage in criticism of the majority opinion. This will only depreciate the award with no redeeming benefit. Fortunately, the prevailing practice is rather the opposite: dissenters normally show restraint, expressing reverences, even solicitously, to the majority arbitrators in its introductory language. Usually the majority does not comment on the dissent at all⁶. Occasionally, however, the

rifts between the minority and the majority are too great to prevent a certain degree of acidity between the dissenter and the majority. Such, to the extent it occurs, is usually expressed in exquisite form⁷.

There is also a rare class of endemic dissenters, a species which luckily seems to be on its way to extinction, if not perdition, who systematically attach their unreasoned “Dissenting” scribbled on each award. This is of course a singularly unhelpful act of an arbitrator normally driven by a misconceived – but improper – urge to show allegiance to the appointing party.

There are fundamental differences between commercial arbitration and investment arbitration

In commercial arbitration the need for precedent is small. Commercial cases tend to be fact-driven and distinguishable from one another by the particular circumstances of each case. The precedential interest is small or non-existent (also looking away from the fact that there is, theoretically no such thing as “precedent” in arbitration other than as a source of persuasive argument).

So, the combination of non-publicity and fact-variety makes for a very small role for dissenting opinions as a source of alternative legal reasoning in commercial arbitration, lessening or reinforcing the persuasive value of legal precedent. The need to dissent can only be dictated by the concerns of the individual arbitrator to announce – to the limited audience of his or her co-arbitrators and party representatives – a difference of opinion on a matter of principle.

The situation in investment arbitration is radically different. Investment disputes proceed on the strength of international treaties, which use essen-

⁶ Although it certainly happens, e.g. *Iskale v Turkmenistan*

⁷ A highly readable dissent thanks to its literary, scholarly and, not least, pedagogical approach (in addition to its incisive analysis) is the dissent by Prof Georges Abi-Saab to the *Abaclat* investment arbitration.

tially the same techniques in terms of dispute resolution and contain very much the same substantive standards of protection. From this follows that identical procedural and substantive issues tend to re-surface from case to case. Typical examples are: Does an “umbrella clause” make every contractual dispute susceptible to investment jurisdiction? Does an MFN-clause allow “import” of procedural features of another investment treaty? Is there a distinction in valuation between lawful and unlawful expropriations? This puts the need to dissent into a very different light. The much greater publicity of investment awards also makes dissents take on another degree of importance⁸.

Although there is a movement- supported by arbitral institutions, practitioners and scholars – to increase transparency and openness also in the area of commercial arbitration, the fact remains that the very great majority of awards, not to mention the arbitral proceedings themselves, are private and confidential. Generally speaking, the pull toward increased transparency in commercial arbitration is weak. This is easily explainable by such awards having scant persuasive value and offer dull reading.

In investment arbitration the situation is different. It is a fact that the majority of ICSID awards are made public (by agreement of the parties) and this also applies, albeit to a lesser extent, to investment awards emanating from the second most relied-on forum – the SCC of Stockholm – in the investment dispute area.

This generates a quandary in its own right, and of an intractable nature. A few fundamental concepts and their application (the effect of waiting periods, the reach of MFN clauses) are of a binary nature. They will open access to international arbitration or they will not, depending on the professed affinity of the particular arbitrator. By reviewing prior awards and also dissenting opinions a putative litigant may select an arbitrator who, in prior practice, has adopted a particular application of a concept which will

be favourable to the desired outcome on the threshold question of jurisdiction.

What is the use of dissenting opinions?

One may well ask what use dissenting opinions serve in arbitration. In the adjudication taking place in national judiciaries it is sometimes pointed to the fact that dissents may be helpful in the appeals process in that they contribute to give an additional dimension to the legal issues involved. By so doing, the argument goes, they give a more all-sided and thorough assessment of the case. However, in arbitration there is no appeals procedure and, moreover, there is generally no publicity with brings dissents to the knowledge of the wider public. There is no rule of precedent, so each case is dealt with on a strictly-stand-alone basis. Or so at least it is postulated as a principle.

In investment arbitration it has occasionally been said that arbitrators should at all cost refrain from dissenting. This may be so but the fact remains that dissents are much more frequent in the realm of investment arbitration than in commercial arbitration.

There are certainly arguments canvassed that underscore benign effects of dissenting opinions. They will usually posit that dissents may incentivise the majority of the tribunal to a more careful analysis in its reasoning, or that it will promote party confidence in the arbitral process in that it will “enhance the legitimacy of the process by showing losing party that alternative arguments were considered, even if ultimately rejected”.⁹

However, on a balance, it is fair to say that neither of these considerations carry any persuasive weight. The aspiration of arbitrators to produce carefully reasoned awards should certainly not (and does not normally) require the confrontation of a dissent-

⁸ *The recurrent feature of certain issues in investment arbitration have given rise to the concept of “issue conflict” – should an arbitrator excuse him- or herself for having taken a certain position on such a recurrent feature because it will re-emerge in the present arbitration? (The answer is no, but the subject is outside the scope of this paper.)*

⁹ Mosk & Ginsberg, *Dissenting Opinions in International Arbitration*, 15, Mealy’s Int’l Arb. Rep 6 (2000)]

ing opinion against a majority view to ensure the required quality of the ensuing award.

Neither does the argument, sometimes touted, that dissents may contribute to the development of law deserve much traction. It is certainly not the business of arbitrators to dedicate their intellectual efforts to the development of law (but to solve the particular dispute at hand).

A particular feature of dissents that may cast their even-handedness into doubt is the fact they hardly ever disfavour the party that appointed the dissenting arbitrator. This raises the important concern that arbitrators may not always, after all, adopt an entirely independent position in the arbitration. This is absolutely a valid concern, even if it is easy to understand the issue. An arbitrator which is not prepared to agree with the co-arbitrators' positive approach to the appointing party finds herself between a rock and a hard place. The arbitrator will certainly experience discomfort at being associated with a particular legal proposition on which the case turns but will likewise be uncomfortable with taking an express stand in opposition to the party that showed the confidence of making the appointment.

So, why should dissenting opinions be allowed?

One may well ask why dissenting opinions are allowed at all, considering that they do not enhance the authority of the arbitral award and have no business to promote then administration of justice on a general plane.

The reason why dissenting opinions must be allowed is to ensure arbitrators of the fundamental right to freely express their opinion untrammelled by any dictate from the co-arbitrators where there is no unanimous view. In a wider sense it engages the principle of freedom of expression. One may expect that arbitrators may even feel unease at being bandied together with other arbitrators – whom they may well not have met before the particular appointment – whose ways of approaching legal issues they may have no possibility to foresee.

The freedom of announcing dissent stems from the fundamental – and inalienable – right of an arbitrator to freely vent his or her opinion and not to risk being forcibly shoehorned into any particular view of which he or she does not partake. This, indeed, compels allowing dissent to be articulated also in appreciation of the negative effects such expression of discord has for the integrity of the arbitral award.

This having been said, it does not mean that efforts should not be made by a tribunal to seek common ground in the course of deliberations. With sufficient portions of patience, perseverance and resilience dedicated to good faith efforts serious attempts should be made to consensus. A draft of the dissenting opinion should be provided to the majority so that conflicting views can be examined and possibly reconciled. This may even operate as an invitation for the arbitrators to resume deliberations. No efforts should be spared to explore all avenues to seek common ground between the arbitrators and to render the dissent superfluous.

A NEW AGE FOR THE INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION LAW (ICAL) LL.M. PROGRAMME AT THE STOCKHOLM UNIVERSITY

Daria Kozłowska-Rautiainen

Doctor of Laws, Senior Lecturer in International Procedural Law with specialization in International Commercial Arbitration Law, Stockholm University

Year 2018 has been remarkable for the International Commercial Arbitration Law LL.M. Programme offered at the Stockholm University. Not only did it celebrate its 15th anniversary, but it has also undergone some important changes. The long-term Director of the Programme – the remarkable Patricia Shaughnessy has stepped down and new teaching staff has been hired. The curriculum has been restructured, the number of seminars intensified and a few new themes added. What remained unchanged, however, is the focus on the students, care to foster their progress and to develop the programme according to their needs.

The learning experience at the ICAL Programme is strongly based on active participation and group work. Through engaged interaction in a diverse environment the students gain not only knowledge, but also skills valuable in both academy and practice. When we say “diverse”, we really mean it. For instance, this year ICAL students come from 17 different countries from all over the world and have various background and level of experience. What brings everybody together is the genuine interest in arbitration.

ICAL students engaged in discussion over confidentiality v. transparency of arbitration

The ICAL Programme lasts for two semesters. The autumn semester consists of an intensive course in international commercial arbitration, which comprises seminars, case analysis, academic writing, group work and oral presentations. Apart from arbitration, the students also learn about the basics of international sales and contract law.

The students put theory into practice through different tasks during the course, but it is the extensive mock arbitration organized at the end of the autumn semester, which provides a unique opportunity to get a firsthand insight into the whole of the arbitration process. During the mock, students write briefs, cross-examine witnesses and render an arbitral award under the supervision of arbitration experts from Stockholm law firms.

ICAL students during a mock hearing at Roschier law firm

The spring semester consists of a course in advanced international commercial arbitration and a Master's thesis project. The ICAL LL.M. provides rigorous academic training, encourages students to think critically and independently.

Moreover, seminars with distinguished guest speakers, visits to law firms, the SCC and a number of high profile arbitration conferences are all integral part of the ICAL experience.

This year's Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot Team is comprised solely of ICAL students

The program is highly competitive and receives hundreds of applicants each year for the approximately twenty-five places. The application period for the 2019/2020 has already ended.

For more on the ICAL Programme see <https://www.jurinst.su.se/english/education/courses-and-programmes/master-s-programmes/international-commercial-arbitration-law-ll-m-ical>.

RUSSIA IS NOW FINALLY CLOSED FOR ARBITRATION ADMINISTERED BY FOREIGN INSTITUTIONS

Taisiya Vorotilova
Baker McKenzie, Moscow,
Associate

Vladimir Khvalei
Baker McKenzie, Moscow,
Partner

The New Year 2019 came to Russian arbitration community with a new set of amendments to Russian arbitration law.¹ The changes concerned corporate disputes, ad hoc arbitration, and procedure for obtaining licenses by institutions.

However, one point deserves specific attention, i.e., the amendment introduced to Point 20 of Article 44 of the Law on Arbitration in Russia (the “Law on Domestic Arbitration”) and its implications for arbitration with a seat in Russia and administered by foreign arbitration institutions.

This provision was not clear before the changes. It provided that if an arbitration institution has not

obtained the rights of a “permanent arbitration institution” in Russia, it cannot perform any functions aimed at administering ad hoc arbitration, such as appointment of arbitrators and deciding on challenges.

At the same time, Point 3 of the same Article provides that if a foreign arbitration institution had not obtained the permission from the Russian Government to act as a “permanent arbitration institution”, the awards rendered in arbitration administered by it be considered (for the purpose of the law) as ad hoc arbitration awards. In practice, it meant that foreign arbitral institutions not “blessed” by the Russian Government could still administer arbitrations with a seat in Russia, but not the arbitrations

¹ With Federal Law On Amendments to Federal Law “On arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation” and Federal Law “On advertising” No. 531-FZ, dated 27 December 2018.

that, under Russian law, can be administered only by “licensed” institutions, such as corporate disputes.

This provision provided an opportunity not only for foreign institutions, but also for those Russian institutions that were involved in questionable activity and did not receive a license from the Government. Such institutions transformed themselves in various associations of “ad hoc arbitrators” providing services to support ad hoc arbitration by appointing arbitrators, administering financial matters, providing hearing facilities, etc.

Apparently being driven by the goal not to leave any room for such abusive arbitration, the new amendments extended the list of the functions that could not be performed by “non-licensed” institutions. This list includes:

- Taking decisions on appointment, challenges or termination of mandate of arbitrators;

- In case of ad hoc arbitration:

- Managing arbitration fees and expenses; and

- Regularly providing hearing facilities; and

- Other functions connected with ad hoc arbitration

Literal reading of this article means that foreign arbitration institutions that did not receive licenses from the Russian government could not perform any function related to administration of disputes in Russia.

Most importantly, this provision was supplemented by the following wording:

“In case of violation of the above bans, an arbitral award, including the award of ad hoc arbitration tribunal, is considered to be rendered in violation of arbitral procedure provided by this Federal law.”

The language is noteworthy. It states that it applies to “an arbitral award, including the award of ad hoc arbitration tribunal”. This language is broader than the previous version that only prohibited administration of ad hoc arbitration. The new rule means that it applies to both ad hoc and institutional arbitration if the unlicensed institution administers it.

This means that from 29 March 2019,² if any foreign arbitration institution administers an arbitra-

tion seated in Russia, the resulting award is subject to the risk of setting aside in Russia on the ground that the arbitral procedure was not in accordance with the law.³

So far, none of the foreign institutions received permission from the Russian Government. HKIAC applied last year, but a decision has not been issued yet. Thus, Russia is formally closed as a place for arbitration administered by foreign institutions.

What would be the impact of this provision to the current practice? Frankly, LCIA and SCC, the most popular arbitration institutions in Russia, have not reported any cases when the place of arbitration was in Russia during the last 10 years. ICC had some cases in the past, but only few, and not in every year.

However, this change would have a serious impact on continuous efforts of the Russian arbitration community to bring Russian disputes back to “Mother Russia”. Now, even formally, it is not possible to have Russia as a place for arbitration in proceedings administered by foreign arbitration institutions, and it would take years before the Russian “licensed” institutions would gain the same authority as their foreign colleagues.

² When the changes will come into force.

³ Point 3.4 of Article 233 of the Arbitrazh Procedure Code. Point 1.1 of Article 36 of the RF Law “On International Commercial Arbitration” (analogous to Article V(1)(d) of the UN Convention on Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards).

UNEXPLAINED WEALTH ORDERS: RUSSIAN-SPEAKING LITIGANTS IN THE UK CAN FIND THEIR ASSETS FROZEN WITHOUT NOTICE

Ben Wells
Associate,
Pinsent Masons LLP

England ranked third in the prevailing number of arbitral awards brought for R&E in Russia in the period 2008 to 2017, shows the RAA Study on the application of the New York Convention. With large amounts of wealth from CIS countries accumulated in the UK, potential litigants can face a situation when they will be deprived of their funds on demand of national authorities.

Further unexplained wealth orders (“UWO”) have been successfully obtained by the National Crime Agency following on from the order against Zamira Hajiyeva the wife of a jailed Azeri banker who spent £16m at Harrods over a decade.

The latest person to attract the attention of law enforcement agencies in England, Vlad Luca Filat, is a millionaire student from Moldova and the son of the convicted ex-premier Vladimir Filat. The son is said to have paid almost £400,000 in rent upfront for a penthouse in Knightsbridge and spent £200,000 on a luxury Bentley Bentayga purchased from a dealership in Mayfair. This week, £466,322 was confiscated from him when the English court made orders for the money which had been in his British bank accounts to be seized as he was unable to demonstrate a legitimate source for the money.

His father is currently serving a nine-year prison sentence for his role in the theft of \$1bn from three Moldovan banks. The judge was satisfied on the balance of probabilities that the son’s money was derived from his father’s criminal conduct in Moldova.

UWOs came into force two years ago. Both cases to date have been against members of family of high profile individuals convicted for embezzlement. UWOs have provided the right to seek in court the confiscation of wealth of dubious origin, unless the owners are able to prove that it was acquired legally.

Background

The United Kingdom recently gave its enforcement agencies new powers to apply for UWOs, a type of court order which was introduced in the 2017 Criminal Finances Act. UWOs are usually supported by interim freezing orders, which prevent the dissipation of assets and require information on assets to be provided to the relevant authorities.

What is the process?

In order to obtain UWOs the relevant authority must make an application to the High Court. In England and Wales the authorities able to do so are:

- the National Crime Agency;
- Her Majesty's Revenue and Customs;
- the Financial Conduct Authority;
- the Serious Fraud Office; and
- the Crown Prosecution Service.

UWOs will usually be applied for without notice being given to the respondent. This means the responsibility is on the authorities to make full and frank disclosure to the Court - not doing so will create grounds for a challenge to the UWO.

Who can UWOs be served against?

People who own property which is valued above £50,000 where there is an obvious gap between the value of the asset and the known income of the person who owns it.

UWOs are aimed at: (i) politically exposed persons ("PEPs"), such as politicians and those connected closely to them (who are deemed to be at higher risk of corruption due to their position and influence); or (ii) suspects of crime, whether in the UK or abroad.

UWOs extend to connected persons. This is broadly defined by the Corporation Tax Act 2010 and includes relatives, spouses, or companies controlled

by the individual in question. This means that joint interests in property, such as those of married couples, where the asset may have been placed in a wife's or husband's name, will be caught by the provisions of UWOs.

Requirements of UWOs

UWOs require the owner of an asset to explain how they were able to afford it. UWOs have been described by Sir Vince Cable, leader of the Liberal Democrat Party, as requiring "oligarchs [to] explain in writing, with detailed documentation, just how they obtained their fortunes".

An individual served with a UWO will be required to provide such explanations, including:

- the type and extent of their interest in particular property; and
- how the property was purchased - where their known, lawfully-obtained income would be insufficient to allow such a purchase.

There is no fixed time limit for the explanation to be provided but the High Court has power to impose the time limits it considers necessary.

Current developments

The list of nationalities suspected of money laundering in the UK is long, but since the deterioration of relations between Russia and the United Kingdom the focus of these provisions has turned towards Russian-speaking individuals. Several examples of potential targets for UWOs have been given, including officials high up in the Russian government.

Coupled with an aggressive mood in Parliament and among enforcement agencies toward money laundering, there is a clear shift away from the relatively low-regulation financial culture that until recently meant London has been considered an attractive place to conduct business, particularly by wealthy individuals from the Former Soviet Union.

Transparency International (a group which

combats corruption in the UK) has recently published a report which identifies more than 140 properties in London worth a total of £4.2 billion that they say “were bought by individuals with suspicious wealth”.

Aside from the new powers, the UK recently established an economic crimes tsar and a new department inside its National Crime Agency to focus on money laundering.

The new powers follow a landmark law passed in 2016 that requires all companies to register “persons with significant control” (meaning the ultimate owners, not the nominees) of all companies registered with the UK’s Companies House.

The National Crime Agency is working on securing more UWOs in line with its ambitions to seize criminal assets and crack down on money laundering. The NCA Director of Economic Crime Donald Toon said there are about 100 cases his agency is working on. Specifically he has said: “We have significantly increased amount of work ongoing, some of which is against people who are Russian nationals, but there is a wide spread of activity if you look at the nationality of those involved”.

How could this impact on Russian individuals?

UWOs shift the burden of proof to the asset’s owner to explain its lawful source. The British government has claimed it will pursue even the most high-profile individuals. The tone of this initiative can be seen from the withdrawal of Roman Abramovich’s visa application and his subsequent dropping of plans to develop Chelsea’s Stamford Bridge football stadium.

Although a civil measure, failure to adequately respond to UWOs will result in the property in question being presumed to be recoverable property under Proceeds of Crime Act 2002 (“POCA”). This means that the asset can be recovered through the civil regime under POCA which does not require a conviction and carries a lower standard of proof than a criminal prosecution. If an individual makes a statement that is known to be false or misleading in a material way, they commit an offence, and an individual guilty

of this offence could be imprisoned for up to two years and/or fined.

This type of legislation could also be open to abuse where third parties instruct private investigators to prepare a dossier on their competitors with a view to handing over materials to the authorities in the hope of encouraging those authorities to use their UWO powers.

Potential defences - what to think about

Legitimate businesspeople are likely to complain that they are being unfairly targeted. Many wealthy businesspeople lead lavish lifestyles and have proven political connections, but the sources of their income are not unexplained, or even unlawful.

It is important for those in that position to remember that if, in response to a UWO, they provide an adequate, not false or misleading, statement on the source of their wealth relevant to a property, the burden of proving any offence remains with the authority which sought the UWO. For example, a businessperson may be able to point to public business interests, such as interests in a manufacturing business or a stake in a public company. Careful compliance with UWOs is therefore key.

It will also be important, if served with a UWO, to review whether full and frank disclosure was provided to the Court when the application for a UWO was made. If not, this may have had an impact on the success of the application and it may be possible to make submissions to the Court to contest the order.

In addition, property may be shielded if it is owned by legally secure holding structures run and directed by a remunerated professional services firm.

Recompense for unwarranted UWOs: where an individual has been incorrectly served with a UWO, they have a statutory right of compensation if they can show loss, and that there was a “serious default” on the part of the authority that applied for the order.

WOMEN IN ARBITRATION CONGRESS, PERU

Olena Perepelinskaya
Integrites, Partner,
Ukraine

Elina Mereminskaya
Wagemann Abogados & Ingenieros,
Partner, Chile

Sight of Lima, Peru

Within Latin America, Peru is one of the most active jurisdictions both in the number of arbitrations and the number of arbitration-related events. This time, the Peruvian Institute of Arbitration (Instituto Peruano Arbitraje (IPA)), an academic organization dedicated to the dissemination of arbitration in Peru and abroad, organized what seems to be a unique international event.

The congress called Women in Arbitration took place on January 31, 2019 in Lima and featured female panelists only. More than 40 arbitration practitioners from Latin America, Europe and USA took the floor. Women in Arbitration was aimed at

giving female practitioners the well-deserved broader visibility, to address the gender-related issues and to discuss such relevant topics as double-hatting, relationships within the arbitral tribunal, ethics and corruption.

Professionals of outstanding quality made their vivid presentations, and discussions took place. The event was attended by more than 250 people. Many female attendees were there to seek for motivation and guidance. Both authors of this brief were fortunate enough to be among the speakers as well.

As is well known, the statistics on female participation in arbitration are low and the field is dominated by male practitioners. In the words of Sarah François-Poncet of Salans, the usual suspects are “pale, male, and stale”. The situation is the same regarding the number of female partners as fewer female candidates progress to the senior ranks in legal professions. This phenomenon is known as “pipeline leak”. The general expectation usually establishes a correlation between partnership and a suitability as arbitrator. While fewer women achieve partnership, fewer are appointed as arbitrators.

This specifically affects Latin America, where women are being less integrated into the labor market than, for example, in Eastern or Western Europe. Just by way of example, in Chile, once one of the most advanced Latin American economies, the main arbitral institution is Arbitration and Mediation Center of the Santiago Chamber of Commerce (CAM Santiago). Only 7% of CAM Santiago’s arbitral roster are women. In addition, the list kept by ordinary courts for ad hoc appointments includes only 14% of women. At the same time, 60% of first-instance judges are female, which confirms that the amount of qualified female lawyers is noticeable. However, the female participation at the second-instance courts decreases to 40% and reaches 30% at the Supreme Court level. Even though the trend in the ordinary courts is clearly unsatisfying, the low participation of female arbitrators is even more striking.

Another pool of problems, even for highly ranked and qualified female arbitration practitioners, is known as “pipeline plug” and is caused by operation of numerous conscious and subconscious biases which allow for the substitution of proxies like repeat appointments in lieu of observed quality. The attend-

ees of the congress took part in the real-time survey during one of the panels, which confirmed an incredibly high level of bias in gender issues with regard to different actors of the arbitral proceedings, including presiding and wing-arbitrators, experts and secretaries of the tribunal. Notably, the survey showed that the bias affects male as well as female respondents.

While different opinions were exchanged with regard to measures that can be taken in order to enhance diversity in international arbitration, a general trend among the speakers was against the usage of quotas, but in favor of increasing the chances of female candidates being appointed as arbitrators. For that purpose, visibility was considered one of the key factors. In addition, increased transparency in appointments statistics is generally expected nowadays from arbitral institutions. This measure would allow the veil to be lifted from repeated appointments as well as help the progress in the diversity challenge to be seen.

The speakers also made a call for more active networking among female practitioners and for women to strengthen their networking within the arbitration community. Some additional tips from the psychological realm were made, such as to be more confident, seek for challenges, ask for help and support from senior practitioners, and take care of yourself. At the end of the day, we live in the age of multi-tasking and women seem to be particularly well-equipped for that lifestyle.

Also, the wish for this type of valuable initiative to be short-lived was met with the strongest applause, as the current challenges will hopefully soon be overcome. In the meanwhile, we invite the readers to review information about the Women in Arbitration event (<http://www.ipa.pe/pdf/conferencia-internacional-women-in-arbitration-ipa-2019.pdf>).

«НЕ СПЕЦИАЛИЗИРУЙТЕСЬ НА АРБИТРАЖЕ СЛИШКОМ РАНО!»

*Интервью и перевод
с английского:*

*Дмитрий Артюхов
главный редактор
Arbitration.ru*

Фредрик Рингквист – партнер и руководитель московского офиса крупнейшей в Скандинавии юридической фирмы Mannheimer Swartling. Он уже 15 лет занимается международными спорами и с 2012 года постоянно живет в России.

Фредрик редко общается со СМИ, но для нашего журнала сделал исключение. Успешный шведский юрист рассказал Arbitration.ru о том, почему в Швеции важно учить русский язык, как представлять дело шведским арбитрам и на что следует обратить внимание молодым юристам на старте карьеры.

Фредрик, традиционный вопрос: как вы попали в арбитраж?

Тема судебной практики, разрешения споров интересовала меня еще с университетских времен. Моя дипломная работа была во многом посвящена процессуальным вопросам. Если можно так сказать, меня вообще привлекала атмосфера судов.

Затем я продолжил работу в практике по разрешению споров Mannheimer Swartling – крупнейшей юридической фирме Скандинавии, в которой трудятся более 500 человек. К настоящему моменту мой стаж в фирме уже 15 лет.

Раньше, чтобы получить статус адвоката, в Швеции нужно было два года проработать в качестве младшего судьи, и я сделал этот первый карьерный шаг в окружном суде Стокгольма. Этот опыт пригодился мне в дальнейшем, так как арбитражное разбирательство порой приходит в государственный суд – например, на стадии признания и исполнения решений.

Кроме того, в Швеции в целом очень развит арбитраж, не только международный, но в том числе и между шведскими сторонами, и это тоже повлияло на мой выбор карьеры.

Чем больше всего привлекает арбитражная практика?

Я занимаюсь арбитражем уже 15 лет, и каждый процесс по-своему уникален. Уникально сочетание сторон, арбитров, экспертов и, конечно, фактов. Поэтому арбитражный юрист должен, на мой взгляд, обладать талантом историка: ему нужно изложить последовательность событий на протяжении довольно длительного периода – от одного года до десяти лет – и подкрепить ее дока-

зательствами. Разумеется, у стороны-оппонента будет свое видение развития событий, причем это не значит, что другая сторона искажает факты, – это другой взгляд на вещи. Такое случается сплошь и рядом, не только в судебных процессах, но и в межличностных отношениях, политике, журналистике и т.д. Вообще арбитраж – это плавильный котел, где сталкиваются правовые системы, культуры, ценности, подходы.

Почему Россия?

В начале карьеры я не думал, что буду связан с Россией и стану заниматься именно коммерческими спорами, – я мечтал о карьере адвоката или судьи. Тем не менее, когда я попал в Mannheimer Swartling, ко мне начали приходить дела, связанные с разрешением споров сторон из СНГ. Я немного знал русский язык: в то время в Швеции была обязательная военная служба, и, хотя русский учили очень немногие, изучение языков позволяло избежать размещения на очень холодном севере Швеции. Мой отец был дипломатом и работал в России какое-то время, отчасти поэтому в армии я выбрал именно русский. В конце 1990-х я также провел полгода в МГУ. Кроме того, моим наставником был профессор Кай Хобёр, обладавший большим опытом разрешения споров с участием сторон из Советского Союза.

Как вы считаете, почему Советский Союз остановил свой выбор именно на арбитраже в Стокгольме?

Конечно, Швеция получила широкую известность как центр по разрешению споров во времена советско-американской торговли, но это произошло неслучайно — определенные предпосылки уже существовали. Закон об арбитраже был принят в Швеции в 1929 году. При этом нейтралитет Швеции был не так однозначен. Советский Союз наверняка предпочел бы более коммунистически настроенную страну. А американцы относились к Швеции с большой настороженностью из-за того, что она одобряла освободительное движение в постколониальных государствах Африки, в том числе и тех, которые поддерживал Советский Союз. С другой стороны, с тех времен и по сей день Швеция стремится быть «моральной сверхдержавой», поддерживающей мир на всем земном шаре, и арбитраж вписывается в эту концепцию как цивилизованный метод разрешения международных споров.

Разумеется, напрямую коммерческий арбитраж не разрешает политические вопросы. Хотя наверняка правительства соответствующих стран относятся к крупным спорам не только с хозяйственной, но и с политической точки зрения, как, например, в споре «Нафтогаза» и «Газпрома».

Вы участвовали в этом споре?

Нет, и это к лучшему.

Какие проекты вы ведете для российских клиентов?

Обычно я представляю российские стороны в стокгольмском арбитраже, а также иногда в Париже, в ИСС. Чаще всего это споры из международной купли-продажи товаров. Однако я представляю стороны и в других разбирательствах, связанных со строительством, инфраструктурой и т.д.

Чего ожидают от вас российские стороны как от шведского юриста?

Мы оказываем поддержку, если российские стороны хотят провести третейское разбирательство в Швеции, и у нас для этого все есть — как знание шведского языка и права, так и понимание русского языка и менталитета.

На каком языке вы чаще всего представляете клиентов — на английском, на русском?

Как правило, мы работаем с английским языком, но в последнее время в стокгольмском арбитраже проводится все больше разбирательств на русском и по российскому материальному праву. И здесь я вижу перспективы роста для стокгольмского арбитража.

В 2014 году вышла статья «In Moscow's Shadow», в которой вы предсказывали, что российские стороны уйдут из лондонских арбитражей в другие центры, свободные от санкций, например Гонконг и Сингапур. Как вы видите эту ситуацию теперь?

Конечно, нельзя сказать, что все споры с участием российских сторон перетекли в Азию. Но в целом выбор места арбитража стал гораздо более горячей темой для дискуссии. Многие компании, которые ранее судились в Европе, просто следуя примеру остальных, теперь стали относиться к своему выбору гораздо более внимательно.

Если говорить о Лондоне, то еще до 2014 года шли разговоры о том, что для российских сторон судиться там очень дорого, да и в целом общее право англосаксонских стран и привычное российским сторонам континентальное право слишком далеки друг от друга.

Возросла ли роль Швеции как места арбитража за эти пять лет?

Думаю, Швеции как минимум удалось сохранить свой статус и реноме нейтрального места арбитража в глазах российских сторон.

Если посмотреть статистику обжалования арбитражных решений в государственных судах Швеции (а в целом количество обжалованных решений очень незначительно), то можно увидеть, что именно российским сторонам удавалось добиться отмены решения чаще остальных. Что, по крайней мере для меня, свидетельствует о том, что у шведских судов нет предубеждения против компаний из России.

Что вы думаете об изменениях в шведском законе об арбитраже?

Я бы не назвал их революционными. Во многом это кодификация уже сложившейся практики. Конечно, их нельзя сравнить с российской арбитражной реформой.

Как часто вы назначаете российских арбитров, если назначаете вообще?

Мы назначали российских арбитров во многих процессах. Мне кажется, в России нет недостатка в квалифицированных арбитрах, у вас многообещающее молодое поколение юристов. Роль российского арбитража в будущем возрастет.

Каково ваше мнение о российской арбитражной реформе?

Я ориентируюсь на ситуацию в Швеции, и мне кажется, что запретами и ограни-

чениями многого не добьешься. С другой стороны, хотя в Швеции практически каждый может зарегистрировать арбитражное учреждение, доминирующим и широко известным является только Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC). Стороны выбирают его не потому, что все остальные арбитражные учреждения запрещены, а исходя из его возможностей и репутации. Я уверен, что со временем пользователи арбитража сами выберут наиболее надежные и эффективные арбитражные учреждения, а остальные будут получать все меньше и меньше дел. Избыток регулирования редко дает хороший результат.

Вы участвовали в инициативе по созданию арбитражного центра при Ассоциации европейского бизнеса. Какова судьба этого проекта?

К сожалению, такая же, как и у большинства арбитражных учреждений в России. Этот центр не получил лицензии на осуществление деятельности от российских властей. Что прискорбно, потому что Ассоциация европейского бизнеса объединяет крупные и серьезные компании, активно работающие в России. Я не знаю, будет ли АЕБ подавать подобную заявку снова.

В 2014 году вы в соавторстве написали статью «Crimean conundrum», посвященную зарубежным инвестициям на территории Крыма, описав существовавшую там ситуацию как «юридическое месиво» (legal quagmire) из украинского и сменившего его российского права. И действительно, с объектами иностранных инвестиций на территории Крыма связано множество международных арбитражных процессов. Стала ли ситуация более определенной сегодня?

Конечно, это политически острый вопрос. Вряд ли какая-либо юридическая фирма посоветует иностранным инвесторам вкладывать средства в активы на спорной территории, и это не бином Ньютона. Во многом это обусловлено санкциями, которые могут последовать со стороны США или ЕС. Ситуация вокруг Крыма остается неразрешенной.

На конференции РАА «Слияния и поглощения» в ноябре 2018 года представители крупных компаний не раз упоминали, что в их юридических департаментах появились целые антисанкционные отделы или выделены специалисты, которые занимаются только вопросами санкционного режима. Предоставляет ли московский офис Mannheimer Swartling своим клиентам подобный антисанкционный консалтинг?

Да! Санкции – это чрезвычайно важный вопрос для многих клиентов. Подобный антисанкционный отдел создан и в рамках нашей фирмы. Из-за санкций начался целый ряд арбитражных процессов. Наша фирма занимается мониторингом санкционного режима, отчего усилилась нагрузка и на корпоративную практику, и на отдел разрешенных споров.

Будем надеяться, что когда-нибудь мы вернемся к жизни без санкций и контрсанкций! Какими будут приоритетные направления для работы Mannheimer Swartling в России?

Надеюсь, что мы увидим больше скандинавских инвесторов в России и наша фирма будет сопровождать их деятельность! К сожалению, за последние пять лет на российском рынке появилось очень мало новых скандинавских игроков. Однако уже присутствующие на российском рынке скандинавские компании увеличили свои инвестиции.

Приоритетным останется и арбитраж в Скандинавии. Мы видим множество арбитражных оговорок, указывающих на SCC или на разрешение споров по шведскому праву. Я верю, что разрешение споров в Швеции останется очень популярной услугой нашей компании.

Вы живете в России с 2012 года. Чем отличается ваше представление о стране от представления ваших соотечественников?

Когда меня спрашивают, как живется в России, я обычно прошу моих собеседников приехать сюда и посмотреть самим. До Швеции всего два часа полета. При этом у многих шведов есть вполне определенные суждения о России и русских, хотя они ни разу здесь не были. Стереотипы очень легко разрушаются, когда ты лично сталкиваешься с культурой и видишь все своими глазами. Приехавшие сюда мои знакомые были приятно удивлены. Если же говорить об арбитражном сообществе, то оно производит очень хорошее впечатление, особенно молодое поколение студентов, интересующихся международными спорами.

Приятно это слышать! Возможно, однажды эти юристы будут представлять интересы сторон в Стокгольме перед такими арбитрами, как ваш наставник Кай Хобер. Как нам понять шведов? Каковы главные черты шведского характера?

Посмотрите на шведский дизайн. Здесь господствует минимализм. Думаю, он говорит и о шведском характере. Конечно, это большое обобщение, но шведские арбитры ценят умение сжато, эффективно изложить свою позицию, оперируя только очень относимыми фактами. Пафосные выступления, которые мы видим в некоторых других юрисдикциях, едва ли найдут отклик у шведских арбитров, да и в целом у других опытных специалистов МКА.

Что, по-вашему, важнее – документы или устная презентация дела перед составом арбитража?

Здесь нужно учитывать характеры арбитров, то, насколько они готовы к слушанию дела и насколько внимательны к деталям. Одни арбитры настроены вникнуть в суть, другим важно узнать лишь общую канву и ключевые аспекты спора. Некоторые арбитры узнают суть дела от представителя стороны в первый день слушания.

Тем не менее при рассмотрении дела важны и письменная, и устная части: нельзя написать хороший иск или ответ на иск и надеяться только на него. Важно уметь адаптировать заранее продуманное устное выступление к реальной ситуации на слушании. Устная часть хороша тем, что позволяет наблюдать живую реакцию на вашу позицию и соответственно менять стратегию подачи. Как правило, видно, какие факты кажутся арбитрам неважными или не относящимися к делу. Но, к сожалению, далеко не все представители сторон умеют перестраивать свою речь на ходу.

Что вы посоветуете молодым юристам, которые хотят попасть в сферу арбитража?

Может быть, мой ответ покажется неожиданным, но не специализируйтесь на арбитраже слишком рано! Нет ничего плохого в том, чтобы участвовать в мут-кортах. Но юридические фирмы ищут в юных кандидатах готовность выполнять широкий спектр

функций и вряд ли пойдут вам навстречу, если на собеседовании вы скажете, что хотите заниматься только арбитражем. Освойте торговое право! И будьте готовы попробовать себя в разных областях. Если ваша цель – стать хорошим специалистом в области арбитража, то опыт работы в корпоративном праве, М&А, с договорами пойдет только в плюс.

ЗАКОН ШВЕЦИИ «ОБ АРБИТРАЖЕ»: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

*Татьяна Михалева
Старший юрист, Mannheimer Swartling, Москва*

21 ноября 2018 года были внесены поправки в действующий закон Швеции «Об арбитраже» (далее – Закон), которые стали первыми существенными изменениями с момента принятия Закона в 1999 году. Изменения вступили в силу 1 марта 2019 года и, за рядом исключений, применяются к арбитражным разбирательствам, начавшимся с этой даты. Предлагаем нашим читателям обзор основных изменений Закона¹.

Основные изменения

Вопрос о наличии у арбитров юрисдикции

Ряд ключевых изменений касается судебной проверки наличия у арбитров юрисдикции (компетенции) в отношении спора.

В соответствии со ст. 2 Закона арбитры могут сами решить вопрос о наличии у них юрисдикции (и это положение осталось неизменным в новой

¹ Данный обзор основан на тексте изменений, доступных в настоящее время только на шведском языке. Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC) планирует опубликовать перевод новой редакции Закона на английский и русский языки. Возможно, при переводе изменений на русский язык использованная SCC терминология будет несколько отличаться от терминологии в данном обзоре.

редакции Закона). Ранее Закон позволял стороне как до, так и в ходе арбитражного разбирательства подать деклараторный иск в районный суд с просьбой вынести решение об отсутствии у арбитров юрисдикции. При этом арбитражное разбирательство могло продолжаться одновременно с судебным рассмотрением. На практике суды нередко не успевали рассмотреть деклараторный иск до завершения арбитражного разбирательства, и суд продолжал рассмотрение после вынесения арбитражного решения. В этом случае параллельно с судебным рассмотрением деклараторного иска сторона могла подать ходатайство об отмене вынесенного арбитражного решения в рамках отдельного судебного разбирательства, также заявляя об отсутствии у арбитров юрисдикции. Таким образом, возникали параллельные судебные разбирательства по оценке наличия у арбитров юрисдикции.

Внесенные в Закон изменения направлены на снижение риска возникновения таких параллельных разбирательств и в целом следуют подходу, сформулированному в ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года (в ред. 2006 года). С 1 марта 2019 года сторона может обратиться в суд с деклараторным иском, поставив вопрос об отсутствии у арбитров юрисдикции, только до начала арбитражного разбирательства. После начала арбитражного разбирательства сторона по общему правилу может обратиться в суд для проверки наличия у арбитров юрисдикции только в одном случае: если арбитры до завершения разбирательства вынесли отдельное постановление (beslut) о наличии у них юрисдикции. Сторона, несогласная с таким постановлением, в течение 30 дней может обжаловать его в апелляционном суде (ст. 2 Закона). Исключение из этого правила установлено новой ст. 4а Закона: если после начала арбитражного разбирательства сторона обращается в суд с деклараторным иском и другая сторона не возражает против оценки судом наличия у арбитров юрисдикции, то суд может рассмотреть этот иск.

Формирование состава арбитража

Тенденцией последних лет является более детальное закрепление в арбитражных регламентах и арбитражном законодательстве положений, регулирующих разбирательства с множественностью сторон, то есть с участием более чем двух лиц (например, двух ответчиков). Такие положения были добавлены и в Закон: с 1 марта 2019 года ст. 14 Закона регулирует назначение арбитров в спорах с множественностью сторон. Если в таком споре состав арбитража включает трех арбитров, а ответчики не произвели совместного назначения арбитра, то суд по ходатайству стороны спора назначает весь состав арбитража, при этом освободив от полномочий арбитра, назначенного ранее истцом. Это изменение направлено на обеспечение равенства сторон при назначении состава арбитража и соответствует регулированию данного вопроса в большинстве ведущих арбитражных юрисдикций.

Описанный выше порядок применяется, если стороны не договорились об ином. Но в большинстве случаев стороны как раз договариваются об ином — например, о применении арбитражного регламента, в котором уже урегулирован этот вопрос. В частности, если стороны условились о разрешении спора в соответствии с Арбитражным регламентом SCC, то назначать состав арбитража будет правление SCC (ст. 17(5) регламента).

Кроме того, были дополнены требования к арбитрам. Ранее Закон требовал, чтобы арбитры были беспристрастными. Требование

о независимости арбитров не было прописано в Законе, но подразумевалось на практике. С 1 марта 2019 года ст. 8 Закона прямо указывает на то, что арбитр должен быть не только беспристрастным, но и независимым.

Консолидация арбитражных разбирательств

Еще одной тенденцией последних лет является включение в арбитражные регламенты и арбитражное законодательство положений о консолидации разбирательств для повышения эффективности арбитража. Ранее в Законе этот вопрос урегулирован не был. Новая ст. 23а Закона предусматривает возможность объединения в одно производство двух и более разбирательств по запросу стороны, если соблюдены три условия: стороны не возражают против объединения, в объединяемых разбирательствах были назначены одни и те же арбитры, такое объединение будет способствовать эффективности процесса. Причем, если это будет признано обоснованным, арбитражное разбирательство может быть вновь разделено на отдельные производства.

Статья 23а Закона подлежит применению, только если стороны не договорились о разрешении спора по арбитражному регламенту, который уже содержит правила консолидации. В частности, если спор разрешается по Регламенту SCC, то консолидация будет регулироваться его ст. 15.

Определение применимого права

Ранее Закон не содержал норм, дающих определение применимого права. Теперь этот вопрос регулирует новая ст. 27а Закона, которая по содержанию схожа со ст. 27 Регламента SCC и в целом следует общепринятым принципам определения применимого права. Во-первых, Закон предусматривает, что спор подлежит рассмотрению на основе законодательства или правовых норм, о которых договорились стороны.

Во-вторых, если стороны не определили применимое право, то подлежащее применению право определяется арбитрами. При этом Закон не предусматривает критериев, которыми следует руководствоваться арбитрам. Наконец, арбитры могут разрешать спор «по справедливости», только если стороны прямо уполномочили их на это.

Оспаривание арбитражных решений

Одной из особенностей Закона и его отличием от Типового закона ЮНСИТРАЛ является разделение оснований оспаривания арбитражных решений на две группы:

основания изначальной недействительности решений, такие как неарбитрабельность и нарушение публичного порядка (ст. 33 Закона), при этом Закон не ограничивает срок подачи заявления о недействительности по этим основаниям;

основания, по которым арбитражное решение может быть полностью или частично отменено судом по ходатайству стороны, такие как отсутствие действительного арбитражного соглашения или выход арбитров за пределы своих полномочий (ст. 34 Закона), и Закон ограничивает срок подачи стороной ходатайства об отмене решения по этим основаниям.

В ходе рассмотрения проекта изменений обсуждался отказ от такого разделения, чтобы Закон предусматривал единый перечень оснований для оспаривания арбитражного решения в течение ограниченного срока после его вынесения. Это предложение не нашло отражения в тексте Закона — сохранилось традиционное для шведского арбитража разделение оснований на две группы. Тем не менее некоторые изменения в порядок оспаривания были внесены.

Во-первых, срок подачи стороной ходатайства об отмене решения по ст. 34 Закона сокращен с трех до двух месяцев с даты получения стороной арбитражного решения. Также с трех до двух месяцев сокращен срок подачи сторо-

ной ходатайства по ст. 36 Закона об оспаривании арбитражного решения, которое не содержит выводов по вопросам, переданным на разрешение арбитров (прежде всего это арбитражные решения о прекращении разбирательства ввиду отсутствия юрисдикции). С одной стороны, это должно повысить эффективность и способствовать скорейшему наступлению для сторон определенности в отношении результата разбирательства. С другой стороны, два месяца достаточно сжатый срок, в течение которого сторона, несогласная с решением, должна проанализировать основания для оспаривания, подготовить и представить в суд ходатайство об отмене. При этом по-прежнему нет ограничения срока для заявления о недействительности решения по ст. 33 Закона.

Во-вторых, в одно из оснований оспаривания по ст. 34 Закона внесено дополнительное требование. Ранее решение могло быть частично или полностью отменено по ходатайству стороны, если арбитры «вышли за пределы своих полномочий». По статистике, стороны чаще всего оспаривали арбитражные решения именно по этому основанию, но на практике суды отменяли решения, только если выход за пределы полномочий повлиял или мог повлиять на результат разбирательства. Этот сложившийся подход нашел отражение в Законе. Теперь решение может быть отменено по ст. 34(3) Закона, только если «выход арбитров за пределы полномочий, вероятно, повлиял на исход спора».

В-третьих, внесено изменение, допускающее более активное использование английского языка в шведских судах при рассмотрении дел о признании недействительным или об отмене арбитражного решения по ст. 33, 34 и 36 Закона, а также при обжаловании постановления арбитров о наличии у них юрисдикции по ст. 2 Закона. Ранее на практике было распространено представление письменных доказательств и иных документов (включая оспариваемое арбитражное решение) на английском языке без перевода на шведский язык. Теперь согласно новой ст. 45а Закона суд по ходатайству стороны может разрешить представление и устных доказательств

(прежде всего свидетельских показаний и выступлений экспертов) во время слушания на английском языке, без перевода на шведский. Это должно сделать процесс более эффективным и доступным для нешведских сторон, а также снизить расходы на обжалование.

Наконец, в Закон добавлено дополнительное требование, касающееся возможности обжалования в Верховном суде Швеции решения апелляционного суда по вопросу о недействительности или отмене арбитражного решения. Ранее обжалование было возможно, только если сам апелляционный суд разрешал его, исходя прецедентного значения конкретного дела. Это требование осталось в силе. При этом в Закон было добавлено дополнительное требование: помимо разрешения на обжалование со стороны апелляционного суда теперь необходимо получить разрешение Верховного суда. Верховный суд будет сам принимать решение о принятии дела к рассмотрению или об отказе, а также определять, какие именно вопросы он будет разбирать. Это позволит Верховному суду ограничить круг рассматриваемых дел вопросами, имеющими прецедентное значение.

Заключение

В целом в Закон не было внесено революционных изменений, которые бы кардинально изменили порядок, сложившийся с момента его вступления в силу в 1999 году. Внесенные изменения, скорее, привели текст Закона в соответствие с рядом последних тенденций международного арбитража, восполнили пробелы и закрепили некоторые подходы, сложившиеся на практике. Эти изменения должны сделать Швецию еще более привлекательным местом арбитража, особенно для иностранных (нешведских) сторон.

СЕМИНАР ОБ АРБИТРАЖНОЙ РЕФОРМЕ 2019 ГОДА В ШВЕЦИИ

Роман Зыков
РАА, Генеральный секретарь, MANSORS, партнер

13 февраля 2019 года Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма совместно с Посольством Королевства Швеции в России провели семинар, который был посвящен изменениям, внесенным в закон Швеции «Об арбитраже» 1999 года. Мероприятие прошло в Посольстве Швеции в Москве.

Посол Швеции в России Питер Эриксон (Peter Ericson) в своей приветственной речи обратил внимание на давние торговые связи России и Швеции и выразил уверенность в том, что деловое и культурное сотрудничество стран в дальнейшем будет углубляться.

Заместитель генерального секретаря Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма Кристин Кэмпбелл-Вилсон (Kristin Campbell-Wilson) провела экскурс в историю деятельности SCC, рассказала о нынешнем положении дел в Арбитражном институте и его роли в разрешении споров с участием сторон из России. В частности, в последние годы доля дел с участием сторон из России составила в среднем 25% от всех международных дел, администрируемых Арбитражным институтом. Кроме того, SCC входит в число лидеров по администрированию инвестиционных споров. Кристин отметила, что антироссийские санкции не оказали значительного влияния на процесс администри-

рования споров. SCC выработала процедуру получения необходимых согласований с государственными органами, и в целом санкционный комплаенс не влечет значительного увеличения времени ТПС на администрирование споров.

Основной темой панельной дискуссии стали поправки в арбитражный закон Швеции, которые были приняты парламентом 21 ноября 2018 года и вступят в силу 1 марта 2019 года. Семинар модерировал Роман Зыков, генеральный секретарь РАА, партнер юридической фирмы Mansors.

Примечательно, что шведский арбитражный закон основан на богатой правовой традиции. В 1734 году парламент Швеции принял Кодекс об исполнительном производстве, в ст. 15 раздела IV которого содержалось положение о том, что если стороны пришли к соглашению о передаче спора на разрешение «поверенного лица» и договорились следовать любому его решению, то такое решение будет окончательным, не подлежит пересмотру и является обязательным для сторон. Другими словами, условием

исполнимости решения являлось соглашение сторон о его окончательности и обязательности исполнения.

Столетие спустя, в 1826 году, правовой комитет парламента Швеции выступил с инициативой о включении положений об арбитраже в процессуальный кодекс, однако по ряду причин эта инициатива не нашла продолжения. К вопросу о законодательном регулировании арбитража вернулись лишь в 1884 году в рамках реформы судебной власти, когда правовой комитет парламента вновь обратился к вопросу о разработке арбитражного законодательства, предложив включить самостоятельные положения об арбитраже в текст процессуального закона. В 1885 году был подготовлен проект закона об арбитраже, который был утвержден парламентом 28 октября 1887 года. Закон 1887 года включал в себя положения об арбитражном соглашении и действительности решений арбитража. Арбитражное решение считалось окончательным, если стороны изначально отказались от права обжалования. В этом случае решение исполнялось через государственного исполнителя (överexekutor). Помимо этого, государственный исполнитель выступал в качестве органа, назначающего арбитров.

В связи с необходимостью усовершенствования законодательства об арбитраже в 1918 году парламент Швеции обратился в правовой комитет с предложением подготовить изменения в действующее законодательство. В 1919 году правовой комитет выступил с предложением принять самостоятельный закон об арбитраже, вместо того чтобы пытаться улучшить морально

устаревшие положения, содержащиеся в Кодексе об исполнительном производстве. Тем не менее в 1919 году были приняты только поправки в положения об арбитраже, содержащиеся в Кодексе об исполнительном производстве.

Лишь в 1926 году парламент вновь вернулся к вопросу о модернизации законодательства в этой области и принятии самостоятельного закона об арбитраже. В какой-то степени это решение было предопределено событиями, происходившими в тот период на международной арене, которые, конечно же, не могли обойти Швецию стороной. В связи с присоединением Швеции к Женевскому протоколу «Об арбитражных соглашениях», принятому Лигой Наций 24 сентября 1923 года, и Женевской конвенции «Об исполнении иностранных арбитражных решений», принятой Лигой Наций 26 сентября 1927 года, а также в силу необходимости совершенствования закона в 1929 году в Швеции были приняты законы «Об арбитраже» и «Об иностранных арбитражных соглашениях и решениях». Закон Швеции «Об арбитраже» 1929 года состоял из 28 статей, в которых содержались положения об арбитражном соглашении, отводе арбитров, арбитражном процессе, действительности арбитражного решения, отмене решения, расходах сторон на арбитраж и функциях государственных судов по содействию арбитражному процессу.

Оба закона 1929 года, с рядом поправок и дополнений, нашли свое отражение в законе Швеции «Об арбитраже» 1999 года (далее — Закон), который остается в силе до настоящего времени с рядом изменений, вступающих в силу 1 марта 2019 года.

Фредрик Рингквист (Fredrik Ringquist), партнер международной юридической фирмы Mannheimer Swartling, обратил внимание аудитории на то, что закон Швеции «Об арбитраже» – уникальный юридический документ, история которого уходит корнями в XVIII век. Несмотря на тенденцию к унификации национальных арбитражных законов в рамках Типового закона ЮНСИТРАЛ об арбитраже (1985), шведский Закон не основан на Типовом законе и сохранил свою индивидуальность.

Основные изменения в Законе направлены на детализацию положений, по которым наработана судебная практика (независимость арбитров, определение арбитрами применимого права, прекращение арбитражного процесса), положений о судебном содействии арбитражному процессу (назначение и отвод арбитров государственными судами, рассмотрение вопросов компетенции состава арбитража, консолидация дел), а также положений об оспаривании решений арбитража. Примечательно, что большинство вопросов, решенных в обновленном Законе, давно нашли свое отражение в Арбитражном регламенте SCC. Таким образом, некоторая часть законодательных нововведений имеет первостепенное значение именно для арбитража *ad hoc*.

Эмилия Лундберг (Emilia Lundberg), партнер шведской юридической фирмы Lundberg & Gleiss, пояснила значимость ряда нововведений.

Одной из наиболее важных новелл стала ст. 4а Закона (компетенция состава арбитража), которая была дополнена положением о том, что сторона вправе обратиться за декларативным решением государственного суда о наличии/отсутствии компетенции состава арбитража лишь

до того, как будет возбуждено арбитражное производство. Такое заявление может быть подано в суд и после возбуждения арбитражного производства при условии, что другая сторона не заявляет возражений.

Помимо этого, согласно обновленной ст. 2 Закона, решение состава арбитража о наличии компетенции может быть обжаловано стороной в апелляционном суде по месту арбитража в течение 30 дней с момента получения стороной такого решения. Было также отмечено, что в суде может быть обжаловано и отрицательное определение о компетенции, когда состав арбитража принимает решение об отсутствии у него компетенции для рассмотрения дела. Данное положение в целом отражает подход ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ и направлено на сокращение возможностей торпедирования арбитражного процесса.

Статья 14 обновленного Закона устанавливает процедуру назначения арбитров в многосторонний арбитраж. Так, если ответчики не могут договориться о консолидированной кандидатуре арбитра, окружной суд в течение 30 дней назначает всех арбитров в состав, при этом прекращая полномочия уже назначенного истцом арбитра.

В предыдущей редакции ст. 16 Закона было установлено, что, если арбитр оказывается неспособным исполнить свои функции по причинам, возникшим после его назначения, его можно отвести и заменить путем подачи ходатайства в окружной суд по месту арбитража. В обновленном Законе допускается возможность замены арбитра и по причинам, которые возникли до его назначения. Помимо этого, сторона, назначившая арбитра, вправе просить суд об утверждении нового арбитра, представив свою кандидатуру.

Другим значимым нововведением стало закрепление в ст. 23а Закона возможности консолидации нескольких арбитражей в одно производство, и наоборот, дробления одного производства на несколько самостоятельных при наличии соглашения сторон. Как было отмечено, вопросы консолидации уже разрешены в Арбитражном регламенте SCC, вместе с тем соответствующие положения отсутствовали в предыдущей редакции.

Примечательно, что прежде в Законе не содержалось положений о том, каким образом определяется применимое право. В обновленной редакции устанавливается, что применимое право (rules of law) определяется в соответствии с соглашением сторон, а при отсутствии такового — правом, которое арбитры сочтут применимым. Помимо этого, подчинение договором спора праву того или иного государства означает подчинение нормам материального права такого государства, а не его коллизионным нормам. Вынесение же арбитрами решения по справедливости (*ex aequo et bono / as amiable compositeur*) допустимо лишь в случае, если стороны прямо указали такую возможность.

Рикард Викстрём-Хермансен (Rikard Wikström-Hermansen), партнер юридической фирмы Roschier, проанализировал вопросы оспаривания арбитражных решений в государственных судах. В предыдущей редакции ст. 34 Закона устанавливалось, что арбитражное решение может быть полностью или частично отменено судом по ходатайству одной из сторон, если арбитры вышли за пределы своих полномочий. В судебной практике возникали случаи, когда формальный выход арбитрами за пределы полномочий становился основанием для отмены арбитражного решения. Такой формальный подход позволял отменять решения по самым незначительным процессуальным ошибкам. В новой редакции ст. 34 Закона введено квалифицирующее основание, а именно: превышение полномочий составом арбитража должно непременно повлиять на исход спора. Иными словами, такое нарушение составом арбитража должно быть

существенным, и необходимо доказать, что оно непосредственно оказало негативное влияние на результат рассмотрения спора.

Новые положения ст. 34 Закона уменьшают срок подачи заявления об отмене арбитражного решения с трех до двух месяцев с даты получения стороной арбитражного решения. Данное нововведение направлено на уменьшение числа заявлений об отмене решений. При этом в отношении так называемых недействительных решений такого срока не установлено. Недействительные решения являются особенностью шведского арбитражного Закона; к таковым относятся решения, вынесенные по неарбитрабельным спорам, противоречащие публичному порядку и решения, которые не отвечают требованиям о письменной форме и верификации (ст. 33).

В завершение мероприятия Пер Рунеланд (Per Runeland), независимый арбитр, сравнил арбитраж в Швеции с иными юрисдикциями. Докладчик привел ряд примеров, которые свидетельствуют о том, что Швеция по-прежнему остается лидером в разрешении споров с участием сторон из России и СНГ. Знания и опыт, накопленные SCC, шведскими и иностранными юристами и арбитрами в шведских арбитражах, а также шведскими судьями о российском праве и экономике, позволяют рассчитывать на поистине международный, современный подход в Швеции к разрешению российских споров.

В семинаре приняли участие более 100 представителей российских компаний и юридических фирм, которые имели возможность задать вопросы. Семинар завершился приемом в резиденции посла Швеции.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ШВЕДСКИХ СУДАХ, РАССМАТРИВАЮЩИХ ДЕЛА, СВЯЗАННЫЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ АРБИТРАЖЕМ

Наталья Хольм
независимый советник по юридическим вопросам, Стокгольм

Вопрос использования английского языка в спорах с иностранным элементом актуален для целого ряда европейских стран, в которых английский не является государственным. Он был затронут и в контексте новелл шведского закона об арбитраже, среди которых можно кратко упомянуть следующие¹:

- решение состава арбитража о наличии у него компетенции можно будет оспорить в апелляционном суде (швед. hovrätt, англ. court of appeal) в качестве первой инстанции;
- ограничивается возможность подать иск в суд первой инстанции о компетенции арбитров параллельно с арбитражным производством;
- в случае если ранее назначенный арбитр не может исполнять свои обязанности, упрощается возможность для стороны назначить нового арбитра;
- созданы законодательные рамки

для процессов с участием более двух сторон;

- закон прописал право состава арбитража решать, какое материальное право применимо к спору;
- сокращаются и конкретизируются возможности оспорить арбитражное решение в случае превышения арбитрами своих полномочий;
- уменьшаются сроки подачи ходатайств об отмене, изменениях и признании недействительными арбитражных решений (с трех до двух месяцев);
- при оспаривании арбитражных решений и компетенции арбитров в шведском апелляционном суде (в качестве первой инстанции) расширена возможность представления доказательств на английском языке (без перевода);
- обжалование в Верховном суде Швеции решения апелляционного суда теперь возможно только при получении разре-

¹ Более подробно об основных изменениях читайте в материале Татьяны Михалевой в этом выпуске.

шения на это от самого Верховного суда (в дополнение к разрешению апелляционного суда).

Кроме того, в результате реформы закон Швеции об арбитраже приобрел новую ст. 45a, действующую с 1 марта 2019 года. Она посвящена использованию английского языка в шведских судах в процессах об отмене, изменении и признании недействительными решений МКА и оспаривании компетенции арбитров. В переводе на русский язык статья гласит:

В судебном процессе по ст. 2 ч. 2, 33, 34 и 36 апелляционный суд по ходатайству одной из сторон может заслушать устные свидетельские показания на английском без перевода на шведский язык.

Сказанное в первом абзаце применимо также к судопроизводству в Верховном суде.

Этот текст, одобренный парламентом, идентичен внесенному правительством законопроекту. Правительство, однако, согласилось только с частью нововведений, предложенных специально созданным для разработки законопроекта комитетом (в форме *travaux préparatoires*, или подготовительных материалов), который в своем отчете предлагал:

- наделить апелляционные суды полномочиями по ходатайству одной стороны и с согласия другой в приемлемой степени проводить слушание на английском языке;
- обязать апелляционные суды предоставлять по запросу общественности необходимую информацию об идущих по-английски слушаниях с помощью переводов или иным подходящим способом;
- обязать апелляционные суды предоставлять переводы на английский язык протоколов заседаний, а также окончательных и процессуальных решений вскоре после их составления/вынесения.

Правительство констатировало, что стороны еще до реформы могли подавать письменные

свидетельские показания по-английски, поэтому в данном отношении законодательных изменений не требуется. А обязывать апелляционный суд отдельно выдавать информацию о представленных на английском устных и письменных доказательствах правительство не сочло необходимым.

Тот факт, что в результате реформы использование английского языка в апелляционных судах расширилось лишь незначительно, был встречен критикой в арбитражных кругах.

В ходе подготовки рекомендаций по модернизации арбитражного законодательства Швеции вышеупомянутый специальный законодательный комитет изучил использование английского языка в других странах и констатировал стремление допустить английский в качестве языка судопроизводства в коммерческих спорах с иностранным элементом в целом ряде стран. В частности:

- во **Франции** Торговый суд Парижа создал специальные подразделения, где судопроизводство может проходить на английском, немецком или испанском языке в зависимости от языковых знаний судьи;
- в **Швейцарии** традиционно можно подавать в суд документы на языке, отличном от официального языка соответствующего кантона, без перевода, если стороны и суд об этом договорились, а ряд судей проводят примирительные процедуры по-английски;
- в **Германии** в спорах с иностранным элементом стороны могут совместно отказаться от своего права на устного переводчика и провести разбирательство по-английски (все заявления сторон, протокол и решения суда должны, однако, составляться на немецком языке)².

Что касается конкретно оспаривания арбитражных решений в апелляционных судах **Швеции**, то еще до реформы 2019 года апелляционные суды, выступающие в качестве первой

²Översyn av lagen om skiljeförfarande. SOU 2015:37, 139.

инстанции по таким делам, чаще всего не требовали перевода материалов дела, представленных сторонами в качестве доказательств, на английском языке, в том числе самого оспариваемого арбитражного решения (хотя нередко ходатайствующая сторона по собственной инициативе представляла такой перевод). Иногда суд просил представителей стороны дать перевод наиболее существенной части решения.

Еще до реформы апелляционный суд нередко вел переписку в таких процессах с представителями сторон на английском языке, а в процессе слушаний в Апелляционном суде округа Свеа, расположенном в Стокгольме, на долю которого приходится абсолютное большинство ходатайств об отмене, изменении и признании недействительными арбитражных решений, и ранее допускались устные свидетельские показания на английском языке без перевода (при условии, что никто из участников и присутствующих в зале суда не возражает), хотя сами слушания проходили по-шведски.

Надо отметить, что в Швеции практически невозможно получить юридическое, да и любое высшее образование без удовлетворительного знания английского языка, которое является обязательным условием для поступления в вузы. Базовое юридическое образование (4,5 года) может отличаться по содержанию в разных университетах, но неизменно включает ряд специализированных курсов и профессиональную литературу по различным областям шведского и международного права на английском языке. Поэтому и для судей, и для шведских представителей сторон юридический английский язык является привычным рабочим инструментом.

В публикации The English Proficiency Index еще несколько лет назад отмечалось, что около 65% всех шведов знают английский, что вывело Швецию на первое место по этому показателю среди неанглоязычных стран (впереди Голландии и Дании). Для образованной части населения и молодежи можно говорить о практически всеобщем владении английским языком, хотя бы пассивном.

Законодательный комитет приводит в своем отчете ряд аргументов в пользу того, чтобы раз-

решить более широкое использование английского языка в касающихся арбитража процессах в апелляционных судах.

В частности, это позволило бы сторонам, которые вели арбитражный спор на английском, продолжить свои прения на английском, тем самым экономя время и деньги, что, в свою очередь, усилило бы привлекательность Швеции как места рассмотрения международных арбитражных споров в глазах иностранных участников.

Однако не следует забывать, что в абсолютных цифрах речь идет об очень незначительном количестве процессов. Из всех оспоренных арбитражных решений, по собранной комитетом статистике, 42% были на английском; и в этих случаях можно предполагать, что стороны предпочли бы вести процесс оспаривания решений тоже по-английски. Это соответствует всего восьми ходатайствам в год, из которых 38% либо отзываются, либо отклоняются, и только 62% (то есть в среднем пять ходатайств в год) рассматриваются по существу и завершаются вынесением решения апелляционного суда.

Комитет пришел к выводу, что все это не дает достаточно веских аргументов и оснований для того, чтобы допустить ведение всего процесса, в том числе заседаний и протоколов, а также вынесение решений шведских судов на английском языке.

В пользу судопроизводства на шведском языке в таких процессах комитет указал следующее:

- в настоящее время едва ли возможно обеспечить практические механизмы использования английского в качестве языка разбирательства в шведских судах, в частности потому, что это требует дополнительной подготовки судей, а также наличия у них опыта ведения процесса и написания решений по-английски, что потребовало бы не оправданных целями экономических затрат. Отчасти это можно обеспечить привлечением ведущих адвокатов с соответствующим опытом, однако в этом случае ставится под сомнение независимость

апелляционных судов и коллегиальное сотрудничество их судей. В долгосрочной перспективе, по-видимому, все же возможно привлечь к постоянной работе в судах соответствующих профессионалов;

- решения апелляционных судов, особенно в случаях, когда они являются окончательными и не допускают обжалования, часто имеют значение не только для участников конкретного спора, но и для развития правоприменительной практики, а в ряде случаев подлежат исполнению в самой Швеции;
- не следует забывать, что согласно шведскому закону о языке³ шведский язык является основным языком Швеции, общим для жителей страны, а государственные органы несут особую ответственность за использование и доступность этого языка для всего населения. Все государственные документы должны составляться на шведском языке. В том же законе указывается общее правило, что шведский является языком судопроизводства (хотя из него возможны исключения). При этом судебный процесс в Швеции открытый и доступный для широкой общественности, которая, таким образом, вправе требовать информации по-шведски.

Одновременно с этим комитет констатировал, что в свете незначительного количества дел, которые, возможно, рассматривались бы на английском, если бы у сторон был выбор, и в силу ограниченного (фактически не обнаруженного) интереса к ним широкой общественности, не владеющей английским, допустимо исключение из общих правил, отраженных в законе о языке. Однако на настоящий момент комитет считает предпочтительным для апелляционных судов продолжать вести протоколы и выносить решения по-шведски. Еще один аргумент:

в случае судопроизводства на английском языке подготовленные на шведском решения, нуждающиеся в переводе на английский, должны были бы передаваться внештатным переводчикам еще до того, как стали бы известны самим сторонам, что вызывает серьезную озабоченность с точки зрения конфиденциальности.

В целом, как было сказано выше, правительство сочло достаточным допустить заслушивание устных показаний без перевода, и этим ограничилась реформа в сфере использования иностранного языка и облегчения участия иностранцев в указанных спорах.

Я лично считаю, что проведенная реформа практически не изменила и не облегчила ситуацию в области языка. Привлечение устного переводчика для перевода свидетельских показаний на слушании — в отличие от необходимости заранее подготовить письменные переводы — никак не откладывает возможное начало слушания и едва ли заметно увеличивает его продолжительность (особенно в случае синхронного перевода), в то время как дополнительные расходы на судебного переводчика, по оценке комитета, составляют порядка 200 евро/день за одного переводчика, что несущественно повышает размер судебных расходов независимо от того, кто в конечном итоге их понесет. В ситуации, когда протоколы и решения, в том числе отражающие свидетельские показания, должны в любом случае составляться на шведском языке, наличие шведского переводчика для устных показаний представляется скорее полезным и экономичным: уменьшается риск недопонимания показаний судом, а судьям и иным работникам суда не приходится самостоятельно письменно переводить на шведский услышанное на английском языке, рискуя неточно и непоследовательно использовать терминологию в своем переводе и вдобавок тратя на это время. Те участники процесса, которые предпочитают слушать показания на языке оригинала, могут делать это беспрепятственно и при наличии переводчика.

В качестве следующего шага мне представ-

³ *Swedish Language Act. Swedish Code of Statutes no: 2009: 600*; <https://www.regeringen.se/contentassets/9e56b0c78cb-5447b968a29dd14a68358/spraklag-pa-engelska>.

ляется рациональным допустить рассмотрение указанных категорий судебных дел и вынесение решений по ним на английском языке, если английский являлся языком арбитража и арбитражного решения. Такой подход видится оптимальным с точки зрения арбитражно-процессуальной и судебной экономии. Он дает заметные преимущества иностранным участникам процесса (без ущерба для возможных шведских участников, ранее уже согласившихся на рассмотрение своего спора по-английски) и тем самым добавляет привлекательности Швеции как месту проведения арбитража. Что касается профессиональной компетенции работников судов, кажется естественным сосредоточить все шведское судопроизводство по таким делам в одном Апелляционном суде округа Свеа, который уже по факту рассматривает абсолютное большинство таких дел. Это позволило бы более концентрированно использовать имеющихся экспертов, инвестировать ресурсы в их профессиональную подготовку и предоставить им возможность как можно чаще применять свои навыки на практике. Это же оправдало бы наем высокопрофессиональных штатных переводчиков, что позволило бы ре-

шить вопрос о конфиденциальности и недопустимости передачи информации внештатным специалистам.

Если же говорить об обеспечении доступа к судебным материалам широкой общественности, надо отметить, что общее количество дел, где в порядке исключения использовался бы английский язык вместо шведского, как предложено выше, очень незначительно, а сами эти процессы по своему характеру, как правило, интересны лишь специалистам в области разрешения споров, прекрасно владеющим английским. В маловероятных случаях проявления общественной интереса к получению информации на шведском языке суды могли бы предоставлять информацию о характере проходящих процессов и общем содержании конкретных документов. В целом такое исключение в специальном законодательстве из общих принципов закона о языке, как мне кажется, было бы оправданным.

ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ В АРБИТРАЖНОМ ИНСТИТУТЕ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ СТОКГОЛЬМА, НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Александр Храпуцкий
Партнер, адвокат, адвокатское бюро «Сысуев, Бондарь,
Храпуцкий СБХ», Минск*

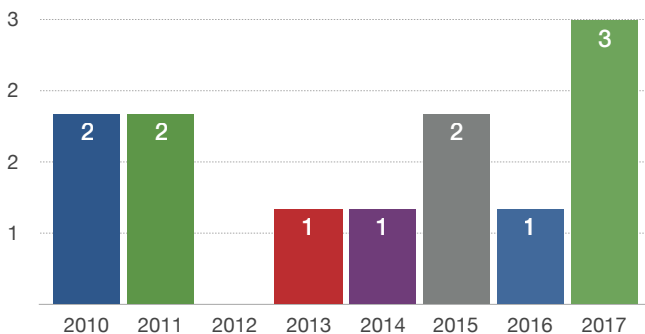

*Валерия Сильченко
Младший юрист, адвокатское бюро «Сысуев, Бондарь, Храпуцкий
СБХ», Минск*

Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC) на сегодняшний день является одним из наиболее привлекательных для белорусского бизнеса. Скорее всего, исторически это обусловлено тем, что еще в 1970-е годы Стокгольм был признан в качестве нейтрального места разрешения споров, вытекающих из договоров советско-американской торговли. С того момента SCC,

основанный еще в 1917 году, стал одним из ведущих арбитражных институтов.

В соответствии с информацией, представленной на официальном сайте SCC¹, в период с 2010 по 2017 год статистика дел с участием белорусской стороны выглядела следующим образом:

Согласно статистическим данным по деятельности белорусских судов общей юрисдикции за первое полугодие 2018 года, в экономические суды поступило 408 заявлений по делам об обжаловании решений международных арбитражных (третейских) судов и о выдаче исполнительного документа, из которых девять были возвращены без рассмотрения².

На текущий момент большинство заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений возвращаются без рассмотрения по причинам, связанным с (не)предоставлением подлинного арбитражного решения/соглашения или его надлежащим образом удостоверенной копии, а также подтверждения уплаты государственной пошлины.

Так, Экономический (до 1 января 2014 года — Хозяйственный³) суд Минска своим определением

возвратил без рассмотрения заявление взыскателя о признании и приведении в исполнение решения SCC, указав, что заявителем не представлено в суд подлинное соглашение об арбитражном разбирательстве или его надлежащим образом заверенная копия.

В судебном заседании суд устанавливает наличие или отсутствие оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения. Данные основания предусмотрены ст. V Нью-Йоркской конвенции: основания частного характера (п. 1 ст. V) и основания публичного характера (п. 2 ст. V).

Отдельного внимания заслуживают основания публичного характера. Такие основания могут быть применены по инициативе экономического суда вне зависимости от наличия ходатайства об этом стороны, против которой вынесено арбитражное решение. Публичный порядок является достаточно популярным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, причем законодательство Республики Беларусь не закрепляет перечня споров, которые не могут быть предметом арбитражного разбирательства. Каждый раз вопрос об арбитрабельности спора должен решаться судом.

В то же время существует положительная динамика в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, вынесенных в SCC, на территории Республики Беларусь.

В частности, в одном из определений экономический суд разрешил принудительное исполнение решения SCC. Доводы ответчика о том, что SCC, рассмотревший спор между сторонами контракта, не является компетентным органом, были признаны необоснованными.

¹ <https://sccinstitute.com/statistics/>.

² http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/.

³ С 1 января 2014 года в Республике Беларусь существует единая система судов общей юрисдикции, которая объединяет общие и хозяйственные суды. Последние были переименованы в экономические суды областей страны и г. Минска. Высший хозяйственный суд Республики Беларусь присоединился к Верховному суду Республики Беларусь. Вся система судов общей юрисдикции возглавляется Верховным судом Республики Беларусь.

Как следовало из арбитражной оговорки, стороны определили, что компетентным органом по рассмотрению спора будет являться не государственный, а международный арбитражный суд и что данный третейский суд должен быть постоянно действующим и находиться в г. Стокгольме (Швеция). Поскольку ответчиком не представлены доказательства того, что в Стокгольме существует иной постоянно действующий международный суд, неточное наименование арбитражной оговорки в части указания на арбитражный суд не может вызывать сомнения в том, что стороны при заключении договора имели в виду Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма⁴.

В еще одном деле суд первой инстанции, руководствуясь нормами международных соглашений и законодательства Республики Беларусь и удовлетворяя заявление о признании и приведении в исполнение решения SCC, обоснованно пришел к выводу о том, что представленные документы свидетельствуют об отсутствии оснований для отказа в признании и приведении в исполнение указанного решения, а арбитражный процесс проходил в соответствии с нормами SCC⁵.

Экономическими судами Гродненской и Брестской областей рассмотрены три заявления о признании и приведении в исполнение на территории Республики Беларусь трех решений, вынесенных ТПС, о взыскании задолженности за поставленный товар, процентов и прочих расходов с резидентов Республики Беларусь. Во всех трех случаях на основании норм ХПК Республики Беларусь и Нью-Йоркской конвенции суды удовлетворили заявления и выдали судебные приказы для принуди-

тельного исполнения решений на территории Республики Беларусь⁶.

Можно с уверенностью сказать, что суды Республики Беларусь ведут активную работу по рассмотрению заявлений о признании и исполнении иностранных арбитражных решений, в том числе вынесенных SCC.

⁴ Колбасов Р. А. Комментарий судебной практики по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений, об обжаловании решений международных арбитражных (третейских) судов, находящихся на территории Республики Беларусь и о выдаче исполнительного листа // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2019.

⁵ Постановление кассационной коллегии Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 10 января 2007 года (дело № 2-4/Их/2006/1226К).

⁶ Колбасов Р. А. Комментарий судебной практики по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений, об обжаловании решений международных арбитражных (третейских) судов, находящихся на территории Республики Беларусь и о выдаче исполнительного листа // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. — Минск, 2019.

Валерия Пчелинцева

ОБЗОР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ РФ

МОСКОВСКИЙ СУД ОТМЕНИЛ РЕШЕНИЕ АРБИТРА ФИНСКОГО ТРЕТЕЙСКОГО СУДА БЕЗ СТАТУСА ПДАУ

Номер дела в государственном суде:
А40-222647/18-63-1801.

Стороны спора:
ООО «Люмен-100» – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;
ООО «Декрас» – ответчик в третейском суде.

Разрешавший спор третейский суд:
Третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора.

Представители сторон в третейском суде:
Н/д.

Арбитр:
А. А. Бут, арбитр Хельсинкского международного коммерческого арбитража.

Представители сторон в государственном суде:
ООО «Люмен-100»: С. В. Зарембо.
ООО «Декрас» – Н. С. Голубкина.

Судья, вынесший решение в государственном суде:
Т. Н. Ишанова.

По мнению Арбитражного суда города Москвы, вынесение решения третейским судом в обход установленной законом Российской Федерации процедуры нарушает публичный порядок. К такому

выводу пришел суд в своем определении от 28 декабря 2018 года¹.

В государственный суд с требованием об отмене решения третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, обратилось общество с ограниченной ответственностью «Люмен-100». Оспариваемое решение было вынесено арбитром Хельсинкского международного коммерческого арбитража А. А. Бутом. Спор возник при исполнении договора поставки, заключенного между заявителем и ООО «Декрас» в декабре 2017 года. Основанием для обращения в третейский суд являлась содержащаяся в соглашении оговорка, согласно которой все споры, связанные с договором, подлежат разрешению в Хельсинкском международном коммерческом арбитраже (ХМКА) при Международной ассоциации арбитров Финляндии.

Хельсинкский международный коммерческий арбитраж был впервые образован при Международной ассоциации гражданского судопроизводства в феврале 2014 года². Одним из инициаторов его создания выступило некоммерческое партнерство «Деловой центр экономического развития СНГ». Задачей ХМКА является обеспечение независимого разбирательства экономических споров субъектов экономической деятельности, входящих в различные интеграционные объединения. В 2016 году арбитражу было присвоено его нынешнее наименование. Администраторы ХМКА – финская Международная ассоциация арбитров коммерческих арбитражных судов и одноименная организация, находящаяся в Вене. По данным официального интернет-ресурса арбитражного учреждения, в данный момент оформляется его правопреемство с администрирующей организацией (организациями) по деятельности ХМКА в России. Территориальная коллегия ХМКА находится в Москве.

Исковое заявление ООО «Люмен» было принято к производству постановлением председателя Российской коллегии ХМКА С. В. Бе-

лозерской. Этим же постановлением был образован третейский суд ad hoc в составе третейского судьи – арбитра ХМКА А. А. Бута. Решением образованного для разрешения спора арбитража с ООО «Декрас» были взысканы убытки по договору поставки.

При рассмотрении вопроса об отмене решения третейского суда государственный суд обратил внимание на то, что Хельсинкский международный коммерческий арбитраж не получил права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения. Статус Хельсинкского международного коммерческого арбитража при Международной ассоциации арбитров Финляндии как иностранного арбитражного учреждения также не был подтвержден документально. Арбитражный суд города Москвы пришел к выводу о том, что администрирование третейского разбирательства данным учреждением осуществлялось в обход порядка и процедуры, установленных Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»³, что противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Приведенный довод заявителя о том, что истец в третейском разбирательстве не был надлежащим образом уведомлен о месте и времени судебного разбирательства, суд счел несостоятельным, поскольку истец участвовал в рассмотрении дела третейским судом, заявлял ходатайство об отложении судебного заседания, которое было удовлетворено. Все документы направлялись сторонам по заявленным ими электронным адресам. Следовательно, истец не проявил достаточной осмотрительности, чтобы узнать место и время разбирательства, однако он был уведомлен надлежащим образом.

Тем не менее по итогам рассмотрения дела государственный суд определил отменить решение третейского суда в лице арбитра Хельсинкского международного коммерческого арбитража.

¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2018 года по делу № А40-222647/18-63-1801.

² Представленная информация о ХМКА размещена на официальном сайте арбитражного учреждения www.helsarbitr.com.

³ Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

АРБИТРАЖНЫЙ СУД МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ОТКАЗАЛ В ОТМЕНЕ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ПО ТРЕБОВАНИЮ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИИ

Номер дела в государственном суде: А40-146019/18.

Стороны спора:

Министерство обороны Российской Федерации – заявитель в государственном суде;
ООО «Уфаатомхиммаш» (Россия) – ответчик в государственном суде, сторона спора в третейском суде;

ФГУП «Главное военно-строительное управление № 12» (Россия) – ответчик в государственном суде, сторона спора в третейском суде.

Разрешавший спор третейский суд:

Арбитражный центр при РСПП.

Представители сторон в третейском суде:

Н/д.

Арбитры:

Н/д.

Представители сторон в государственном суде:

Министерство обороны Российской Федерации: С. Ю. Соколова, М. А. Ходова.

ООО «Уфаатомхиммаш» – А. Е. Базыкин, В. С. Королев.

ФГУП «Главное военно-строительное управление № 12»: Е. В. Акишкина.

Судьи, вынесшие решение в государственном суде:

Первая инстанция: Е. А. Абрамова.

Кассационная инстанция: Н. Ю. Дунаева (председательствующий судья), С. В.

Нечаева, Е. А. Петрова.

Федеральным органом исполнительной власти была подана кассационная жалоба на определение Арбитражного суда города Москвы, в котором последний прекратил производство по делу об отмене решения, принятого по итогам третейского разбирательства, администрируемого Арбитражным центром при РСПП. Решением третейского суда было утверждено мировое соглашение между подчиненным министерству ФГУП и ООО «Уфаатомхиммаш».

Обращаясь в суд первой инстанции с требованием об отмене решения третейского суда, как и впоследствии в кассационной жалобе, представители Министерства обороны ссылались на то, что заключение мирового соглашения на сумму свыше 10% уставного капитала унитарного предприятия считается крупной сделкой, на совершение которой требуется согласие министерства. Последнее является собственником имущества предприятия.

Стороны спора на заседании в государственном суде доводы кассационной жалобы отклонили. Подчиненное Министерству обороны ФГУП «Главное военно-строительное управление № 12» не оспаривало решения третейского суда по существу.

Суд кассационной инстанции согласился с выводом нижестоящего суда о том, что спор, переданный двумя хозяйственными обществами на рассмотрение арбитражного центра, мог быть предметом третейского разбирательства. Согласно подписанному сторонами дополнительному соглашению к договору, из которого возник спор, все разногласия, претензии и споры, возникающие из договора, подлежали разрешению в Арбитражном суде города Москвы либо в порядке арбитража, администрируемого Арбитражным центром при РСПП в соответствии с его правилами, действующими на дату подачи искового заявления. Также соглашение содержало положение об окончательности решения третейского суда.

Кассационный суд также отметил, что оснований для отмены арбитражного решения у го-

сударственного суда не имеется. Более того, поскольку соглашение сторон содержало оговорку об обязательности решения, суд первой инстанции правомерно принял решение о прекращении производства по делу. При этом Арбитражный суд Московской области не вправе устанавливать фактические обстоятельства дела, поскольку иное позволяло бы суду кассационной инстанции подменять суды первой и апелляционной инстанций, что является недопустимым.

Арбитражный суд Московского округа указал Министерству обороны на то, что мировое соглашение, заключенное с нарушением правил одобрения крупной сделки, может быть оспорено в суде лицом, не принимавшим участия в рассмотрении спора, только по вновь открывшимся обстоятельствам. При этом лицо должно оспаривать само мировое соглашение как сделку.

На основании вышеизложенного государственный суд 29 января 2019 года постановил⁴ оставить решение суда первой инстанции о прекращении производства по делу без изменений, а кассационную жалобу Министерства обороны — без удовлетворения.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московской области от 29 января 2019 года по делу № А40-146019/18.

ОТМЕНА РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЗАМЕШАННЫХ В ФИНАНСОВЫХ СХЕМАХ, ЯВЛЯЕТСЯ ЗАКОННОЙ

Номер дела в государственном суде: А40-220596/2017.

Стороны спора:

ООО «ПАРК» (Россия) – заявитель в государственном суде, должник по решению третейского суда;

ООО «Русская Компания 2005» (Россия) – заявитель кассационной жалобы в государственном суде, заявитель в государственном суде, кредитор по решению третейского суда;

ИФНС № 8 по городу Москве – третье лицо;

Межрегиональное управление Федеральной службы по финансовому мониторингу по Центральному федеральному округу – третье лицо.

Разрешавший спор третейский суд:

Постоянно действующий третейский суд ЗАО «Ассоциация профессиональной правовой помощи»

Представители сторон в третейском суде:

Н/д.

Арбитры:

Н/д.

Представители сторон в государственном суде:

ООО «ПАРК»: Г. А. Яблонский.

ООО «Русская Компания 2005»: М. М. Старкова, А. С. Веселов.

ИФНС № 8 по городу Москве: В. Ю. Елизарова, Е. Г. Ванина.

Межрегиональное управление Федеральной службы по финансовому мониторингу по Центральному федеральному округу: представитель не явился.

Судьи, вынесшие решение в государственном суде:

Первая инстанция: О. Ю. Лежнева.

Кассационная инстанция: С. В. Нечаева (председательствующий судья), С. В.

Краснова, Е. А. Петрова.

В арбитражный суд Москвы обратились стороны спора, разрешенного постоянно действующим третейским судом ЗАО «Ассоциация профессиональной правовой помощи». ООО «ПАРК» – должник по решению третейского суда – требовало отмены принятого в отношении него акта. ООО «Русская Компания 2005», являющееся кредитором по тому же решению, обратилось в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на его исполнение. Объединивший два дела в одно производство суд первой инстанции 7 сентября 2017 года принял решение о том, что исполнение решения третейского суда противоречило бы публичному порядку Российской Федерации. Впоследствии решение государственного суда обжаловали ООО «Русская Компания 2005» и ИФНС России № 8 по городу Москве.

Судом первой инстанции было установлено, что в 2011 году ООО «ПАРК» заключило в качестве подрядчика договор субподряда по титулу «Реставрация и приспособление для современного использования Киевского вокзала». Через два года право требования субподряда было уступлено третьему лицу. Между подрядчиком и цессионарием был заключен еще один договор подряда. Затем цессионарий и ООО «Русская Компания 2005» подписали договор о намерениях, в котором была отражена сумма дебиторской задолженности первого перед обществом с ограниченной ответственностью. Пункт 7 договора говорит о том, что при согласии ООО «ПАРК» передает ООО «Русская Компания 2005» в полном объеме все права и обязанности по двум договорам подряда. По согласию общества оговоренные права и обязанности перешли к «Русской Компании 2005».

По условиям договоров подряда все споры, связанные с ними, разрешаются в постоянно действующем третейском суде ЗАО «Ассоциация профессиональной правовой помощи» в соответствии с положением и регламентом данного суда.

После вынесения третейским судом решения по делу о взыскании денежных средств по описанным выше договорам ООО «ПАРК» обратилось в государственный суд с требованием об отмене решения, сославшись на нарушение порядка назначения арбитров. Хотя арбитражный суд города Москвы посчитал данное заявление общества необоснованным, требование ООО «Русская Компания 2005» о выдаче исполнительного листа также не удовлетворил, посчитав, что принудительное исполнение судебного решения будет противоречить публичному порядку Российской Федерации.

Изучив материалы дела, суд пришел к выводу о том, что общества, являвшиеся сторонами спора, участвовали в незаконных финансовых схемах, в частности направленных на обход запретительных мер, применяемых кредитными организациями в рамках исполнения требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵. Путем заключения договоров и обращений в третейский суд они пытались получить решение об установлении факта наличия задолженности, чтобы придать правомерный вид владению, пользованию или распоряжению крупными суммами денег, законность получения которых не установлена. Помимо прочего, суд первой инстанции установил, что ООО «ПАРК» являлось исполнителем четырех госконтрактов, что может указывать на риски, связанные с возможным хищением бюджетных средств.

Для выяснения некоторых обстоятельств судом были изучены сведения, находящиеся в распоряжении ЕИС Росфинмониторинга, о совершении лицами сомнительных операций и данные ФНС России об организациях, выступающих сторонами спора. Представители государственных органов были привлечены к участию в производстве по делу.

Арбитражный суд Московского округа в качестве кассационной инстанции проверял законность судебного решения в части отказа

⁵ Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

в удовлетворении заявления ООО «Русская Компания 2005» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения постоянно действующего третейского суда. Он поддержал выводы суда первой инстанции, оставив его решение без изменения в своем постановлении от 6 декабря 2018 года⁶.

27 декабря 2018 года ООО «Российская Компания 2005» представило в Верховный суд Российской Федерации кассационную жалобу на решение Арбитражного суда Московского округа.

РЕШЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА AD HOC, АДМИНИСТРИРУЕМОГО ОРГАНИЗАЦИЕЙ БЕЗ СТАТУСА ПДАУ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛНЕНО

Номер дела в государственном суде: А40-217224/18-141-1792.

Стороны спора:

АО «Волгатрансстрой-Метро» (Россия) – заявитель в государственном суде, должник по решению третейского суда;
АО «Мосинжпроект» (Россия) – заинтересованное лицо в государственном суде, кредитор по решению третейского суда.

Разрешавший спор третейский суд:

Третейский суд строительных организаций города при автономной некоммерческой организации «Центр юридической поддержки строительных организаций города».

Представители сторон в третейском суде:

Н/д.

Арбитры:

Е. Б. Ачалова (председательствующий арбитр), О. В. Черникова, Е. В. Табачинская.

Представители сторон в государственном суде:

АО «Волгатрансстрой-Метро»: В. Ю. Плетнев, О. А. Шаманский.
АО «Мосинжпроект» – А. А. Ширяев, А. В. Каширин.

Судья, вынесший решение в государственном суде:

А. Г. Авагимян.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 декабря 2018 года по делу № А40-220596/2017.

Арбитражный суд города Москвы удовлетворил требования АО «Волгатрансстрой-Метро» об отмене решения Третейского суда строительных организаций города при автономной некоммерческой организации «Центр юридической поддержки строительных организаций города» своим определением от 5 декабря 2018 года⁷. Суд указал, что арбитражное учреждение, администрировавшее разрешение спора в третейском суде, не имело право на осуществление данной деятельности, как и на назначение арбитров.

В 2014 году между АО «Волгатрансстрой-Метро» и АО «Мосинжпроект» был заключен договор, один из пунктов которого предусматривал, что все связанные с соглашением споры подлежат рассмотрению вышеупомянутым третейским судом. Оспариваемое решение было вынесено третейским судом в июле 2018 года.

Изучив материалы дела, суд установил, что третейский суд, в который обратились стороны, на момент возникновения спора не получил статуса постоянно действующего арбитражного учреждения (ПДАУ), в связи с чем не мог администрировать споры в таком качестве с 31 января 2018 года. При этом, как и другие организации, не получившие статуса ПДАУ, Третейский суд строительных организаций города при автономной некоммерческой организации «Центр юридической поддержки строительных организаций города» сохранял право администрировать в качестве третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, третейские разбирательства, начатые до 1 ноября 2017 года в соответствии с Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁸.

Кроме того, суд отметил, что стороны не заключили соглашения о рассмотрении спора в порядке ad hoc, а также не утвердили правила арбитражного учреждения, на которые ссылается третейский суд в своем решении. Таким образом, стороны не договорились в установленном рос-

сийским законодательством порядке о передаче спора на рассмотрение третейского суда, образованного для разрешения конкретного спора. Исполнение решения третейского суда по спору, о передаче которого нет надлежащего соглашения сторон, противоречило бы публичному порядку Российской Федерации.

Наконец, Арбитражный суд города Москвы отметил, что договор между двумя сторонами был заключен в публичных целях и связан с выполнением комплекса строительно-монтажных работ на линиях московского метрополитена, а значит, его исполнение было направлено на достижение результата, необходимого для удовлетворения публичных нужд. Более того, указанный договор был заключен в рамках исполнения контрактного обязательства в сфере заказа города Москвы, регулируемого законодательством Российской Федерации о закупках для государственных и муниципальных нужд. Исполнение данного договора происходит частично за счет средств бюджета. Поэтому споры из такого договора не подлежат рассмотрению третейским судом, хотя сами по себе договоры из госзакупок являются арбитрабельными.

На основании вышеизложенного Арбитражный суд города Москвы вынес определение об удовлетворении заявления АО «Волгатрансстрой-Метро» и отмене решения третейского суда, образованного для разрешения конкретного спора.

⁷ Определение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2018 года по делу № А40-222647/18-63-1801.

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

КТО СТАРОЕ ПОМЯНЕТ... МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРБИТРАЖ И ПЕРЕСМОТР РЕЗУЛЬТАТОВ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 2012 ГОДА

Наталья Кислякова
Юрист, адвокатское бюро «КИАП», Москва

Спортивный арбитражный суд в Лозанне (CAS) 1 февраля 2019 года признал 12 российских легкоатлетов виновными в нарушении антидопинговых правил¹. Нарушения касались событий периода 2012 года (лондонские Олимпийские игры) и 2013 года (чемпионат мира по легкой атлетике в Москве). В качестве санкции была избрана дисквалификация (сроки отстранения у атлетов разные, от двух до восьми лет). Также были аннулированы прошлые соревновательные результаты за определенный период.

В данном деле CAS выступал в роли дисциплинарной инстанции вместо Всероссийской федерации легкой атлетики, так как на последнюю по-прежнему распространяются санкции со стороны Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF). Каждое из 12 дел было рассмотрено отдельно. В основу обвинения были положены отчеты по результатам расследования Ричарда Макларена.

Предлагаем проанализировать интересные вопросы спортивного арбитража в этой связи.

¹https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Media_Release_IAAF_RUSAF_athletics_cases.pdf?fbclid=IwAR2jaLj3Fk0JCbNqbnbChKIz-9yhziqRL4SZrwB00x-2BJQiml-UDwwbFH94.

Процедура и полномочия

В CAS существует несколько процедур для разрешения спора:

- обычная, идентичная коммерческому арбитражу;
- апелляция, оспаривающая решения дисциплинарных органов федераций;
- процедура ad hoc, предназначенная для ускоренного рассмотрения дел на крупных спортивных мероприятиях;
- дисциплинарная, или anti-doping division (ADD), существующая с недавних пор для антидопинговых расследований.

Решение было вынесено в рамках последней из процедур. Фактически CAS подменил дисциплинарные инстанции спортивных организаций, так как они передали ему свои функции и полномочия. Именно поэтому решение может быть пересмотрено по существу в рамках апелляции процедуры CAS в течение 21 дня (этот срок предусмотрен регламентом CAS в статье R49²).

Право, применимое к исковой давности

В настоящем деле обвинение касалось событий Олимпиады-2012 в Лондоне и чемпионата мира 2013 года в Москве. В этой связи интересен вопрос исковой давности, применимой к таким правоотношениям. Кодекс ВАДА предусматривает срок 10 лет³. Интересно отметить, что фактически это имплементация норм права Швейцарии об исковой давности⁴.

Кодекс ВАДА фактически имеет неимперативную природу: некоммерческие спортивные организации добровольно принимают его условия. Получается, что стороны своим соглашением влияют на применимые

нормы процессуального права, однако место арбитража – Швейцария – не может быть изменено на другую юрисдикцию. В то же время положения кодекса ВАДА были восприняты и реципированы многими национальными антидопинговыми агентствами, что дает право говорить о глобальной рецепции положений права Швейцарии.

Дальнейшие перспективы пересмотра

Решение, как уже было сказано выше, не окончательное, заявление о пересмотре может быть подано в течение 21 дня в апелляционную палату CAS (подобная жалоба год назад оказалась эффективной: в отношении 27 атлетов были сняты санкции в форме пожизненной дисквалификации и лишения медалей сочинской Олимпиады, наложенные Комиссией Освальда)⁵.

Решение апелляционной инстанции является окончательным, приводится в исполнение на основании Нью-Йоркской конвенции 1958 года и может быть отменено только в стране, где оно было вынесено. Заявление об отмене подается в Федеральный (Верховный) суд Швейцарии в течение 30 дней и возможно лишь по ограниченным основаниям, предусмотренным ст. 190 Закона об МЧП Швейцарии: если был нарушен порядок формирования арбитражного состава, если было принято ошибочное решение о компетенции, если суд вышел за пределы исковых требований, если в ходе арбитражного разбирательства было нарушено равенство сторон или их право излагать свою позицию в состязательном процессе и, наконец, если решение противоречит публичному порядку (любимое основание российских судов).

² https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2019_en.pdf.

³ Ст. 17 Кодекса ВАДА, <https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada-2015-code-ru.pdf>.

⁴ Ст. 127 Швейцарского обязательственного закона.

⁵ https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Media_Release_reasoned_awards_RUS_IOC_FINAL.pdf.

К ДИСКУССИИ О ВЫБОРЕ АРБИТРА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Ян Калиш
Юрист «Рыбалкин, Горцуян и партнеры», Москва

В рамках своего визита в Москву гуру международного арбитража Гэри Борн неоднократно подчеркивал в лекциях и интервью, что одной из важнейших и неотъемлемых характеристик арбитража является возможность выбора сторонами арбитра или арбитров, которые будут рассматривать спор. Именно эта черта во многом делает арбитраж уникальным и отличает его от государственных судов.

Данный тезис, хотя и кажется на первый взгляд бесспорным, все же наталкивает на ряд вопросов:

1. Способствует ли сама возможность выбора сторонами арбитров вынесению правосудного решения?
2. Способствует ли возможность выбора стороной арбитра вынесению решения, выгодного выбирающей стороне?
3. Что лучше – выбор сторон или назначение институтом?
4. Если арбитров назначает институт, то лишает ли это арбитраж его фундаментальной и определяющей характеристики (выбор сторон)?

Эти вопросы уже не раз были предметом обсуждения специалистов по международному арбитражу, и данная статья – наш скромный вклад в дискуссию.

Выбор и его последствия

Много лет назад американский экономист и доктор права Гордон Таллок выдвинул тезис о том, что выборность побуждает арбитров разрешать дела так, чтобы стороны выбирали их рассматривать свои споры как можно чаще. Иными словами, арбитр, понимая, что определенные стороны чаще используют арбитраж, чем их оппоненты, возможно, будет стремиться вынести решение против оппонентов¹. Хотя профессор Таллок признает, что такая дихотомия встречается нечасто и в обычных условиях арбитры будут непредвзяты.

Также встречается точка зрения, что наличие выбора позволяет стороне недобросовестно манипулировать процессом, изначально назначая не очень компетентного арбитра, который, по мнению стороны, охотнее поверит в ее слабую позицию по спору². Например, зная сильные или слабые стороны определенного арбитра и его взгляды, в том числе из опыта совместной работы или академических публикаций, консультанты могут подобрать арбитра с подходящей позицией по интересующему вопросу. Или же, наблюдая трепетное отношение того или иного арбитра к так называемому *due process*, можно выбрать его с намерением в дальнейшем затянуть дело.

Известный американский судья Ричард Познер и вовсе заявлял, что арбитры могут стремиться угодить обеим сторонам, чтобы избежать возможных обвинений в фаворитизме³. Апогеем

«антивыборного» тренда стало предложение известного специалиста по арбитражу Яна Полсона вовсе отказаться от назначения арбитров сторонами⁴.

Неужели действительно дела обстоят так плохо и выборность арбитров неминуемо ведет к искажениям в процессе разрешения спора? В 2017 году международная фирма BCLP провела исследование, опросив арбитров, юристов-практиков, ученых, работников арбитражных институций и пр.⁵ Результаты показали: 82% опрошенных полагают, что выбор стороной арбитра дает этой стороне определенную степень контроля в отношении опыта и знаний состава арбитража, а 79% считают, что выбор дает стороне больше уверенности в процессе арбитража. При этом 52% участников думают, что риск появления в составе арбитража так называемого партизана (арбитра, который действует в интересах выбравшей его стороны) достаточно серьезен, чтобы отменить возможность выбора арбитров сторонами. 55% опрошенных арбитров встречались с такими партизанами, а среди практикующих юристов с ними сталкивались 70%!

Интересно сравнить эти цифры со статистикой Международного третейского суда Международной торговой палаты (ИСС). Она показывает, что 85% решений в 2017 году были вынесены тремя арбитрами единогласно. Примерно в 14% случаев по крайней мере один из арбитров (а в трех случаях — двое) был не согласен с решением и вынес особое мнение. Регламент ИСС предусматривает, что в случае, когда дело

¹ Tullock G. *Trials on trial* (Columbia, 1980), ch. 8: *The Motivation of Judges* // Klement A. and Neeman K. *Does Private Selection Improve the Accuracy of Arbitrators' Decisions*, Law and Economics Workshop (University of California, Berkeley), Spring 2009, p. 19; <http://portal.idc.ac.il/he/ilea/home/documents/arbitration%2013%20kelment.pdf>.

² *Everyone knows that if you have a bad case you appoint a lousy arbitrator, and if you have a good case then you appoint a good one*, declared Roger Stewart QC of 4 New Square in London // *Appointment angst*. Jones T. *Global Arbitration Review*; <https://globalarbitrationreview.com/article/1173870/appointment-angst>.

³ Posner R. *Judicial Behavior and Performance: An Economic Approach*, 32 FLA. ST. U. L. REV. 1259 (2005); https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=2857&context=journal_articles.

⁴ Paulsson J. *Moral Hazard in International Dispute Resolution* // *Inaugural Lecture as Holder of the Michael R. Klein Distinguished Scholar Chair University of Miami School of Law* 29 April 2010; https://www.arbitration-icca.org/media/0/12773749999020/paulsson_moral_hazard.pdf.

⁵ Оригинал отчета об исследовании доступен по ссылке: https://www.blplaw.com/media/pdfs/Reports/BLP_Arbitration_survey_2017.pdf.

должны рассматривать три арбитра, двух из них выбирают стороны, а председатель назначается Судом ICC. По данным за 2017 год, 74% арбитров были назначены сторонами или соарбитрами и 26% – самим институтом (для сравнения: в LCIA институт назначил 40% арбитров). Можно ли из этой статистики сделать вывод, что в 14% дел один из арбитров был партизаном? Пожалуй, нет, хотя такие арбитры наверняка встречались в некоторых процессах. Могли ли среди 85% единогласных решений затесаться решения, принять которые состав арбитража убедили партизаны? Возможно, но едва ли таких дел могло быть много.

Сопоставим данные цифры со статистикой особых мнений в инвестиционном арбитраже, исследованной Альбертом Яном ван ден Бергом в 2010 году. В 34 из 150 публично доступных решений (около 22%) арбитры, назначенные сторонами, вынесли особое мнение. Также в небольшом проценте дел особые мнения выносили председатели составов арбитража. При этом почти все особые мнения арбитров сторон были зафиксированы в случаях, когда назначившая несогласного арбитра сторона проигрывала дело⁶. В такой конфигурации вероятность встретить арбитра-партизана кажется несколько выше, чем в коммерческом арбитраже, хотя данных для окончательного вывода, безусловно, недостаточно.

Следует отметить, что профессионалы, выступающие арбитрами под эгидой признанных в мире институций, как правило, крайне дорожат репутацией и избегают любых моментов, способных вызвать сомнение в их независимости, ведь от этого в итоге зависит их востребованность. В том числе и поэтому множество признанных величин арбитражного мира выступили против предложения Яна Полссона отменить так называемые unilateral appointments.

Таким образом, с одной стороны, в арбитражном сообществе популярно мнение о том, что выборность арбитров отнюдь не способствует вынесению правосудного решения, а с другой – есть основания полагать, что эффект от манипуляций при выборе арбитров вряд ли может быть существенным для процессов при признанных в мире арбитражных институтах.

Сложность выбора арбитра

Знаменитый учебник Редферна и Хантера гласит: «Нет ничего важнее, чем выбрать правильный состав арбитража»⁷. Если перед стороной встает вопрос выбора арбитра, это становится весьма ответственной и сложной задачей, поскольку может оказаться ключевым фактором для исхода спора. Нередко стороны должны проделать существенную работу, чтобы сделать правильный выбор. Эта задача становится еще труднее, если речь идет о единоличном арбитраже, ведь консультантам противоборствующих сторон необходимо согласовать единственную кандидатуру человека, который примет окончательное решение по их спору.

Как правило, об арбитрах известно очень немного, часто это лишь краткое резюме, размещенное в Сети. Чтобы добыть больше информации, юристы читают публикации кандидата, спрашивают о нем у знакомых, ходят на конференции, чтобы посмотреть на арбитра вживую. На стадии выбора впервые проявляется практическая польза для клиентов от работы внешних консультантов, ведущих дело: их опыт и сеть контактов, в случае если они позволяют заблаговременно и с высокой степенью достоверности

⁶ Tullock G. *Trials on trial* (Columbia, 1980), ch. 8: *The Motivation of Judges* // Klement A. and Neeman K. *Does Private Selection Improve the Accuracy of Arbitrators' Decisions*, Law and Economics Workshop (University of California, Berkeley), Spring 2009, p. 19; <http://portal.idc.ac.il/he/ilea/home/documents/arbitration%2013%20klement.pdf>.

⁷ *Everyone knows that if you have a bad case you appoint a lousy arbitrator, and if you have a good case then you appoint a good one*, declared Roger Stewart QC of 4 New Square in London // *Appointment angst*. Jones T. *Global Arbitration Review*; <https://globalarbitrationreview.com/article/1173870/appointment-angst>.

получить характеристики арбитров, способны во многом предопределить ход процесса.

В последнее время стали появляться публичные ресурсы, которые могут помочь в выборе. Например, проект GAR ART, запущенный одним из ведущих изданий в сфере международного арбитража Global Arbitration Review, содержит весьма подробные анкеты с ответами широкого круга арбитров из разных юрисдикций. Данный ресурс вряд ли повлияет на окончательный выбор, но позволит сориентироваться и сузить круг потенциальных кандидатов. Также на сайте www.arbitrations.ru есть база данных арбитров с удобным механизмом поиска. Следует обратить внимание и на ресурс International Arbitration Institute, где тоже есть база данных арбитров с поиском по различным критериям⁸.

Помочь при выборе арбитра может и интервью с кандидатом. Однако данный способ несет определенные риски: в некоторых юрисдикциях подобный инструмент находится за гранью дозволенного — есть подозрения, что на таком интервью станет обсуждаться существо спора, и арбитр будет подбираться по признаку согласия с позицией выбирающей стороны. Соответственно, арбитры из таких юрисдикций могут отказаться от интервью, а если арбитраж проводится в подобной юрисдикции, оппоненты на этом основании могут потребовать отвода арбитра. Если же в такой юрисдикции предполагается исполнение арбитражного решения, то факт проведения интервью может стать аргументом в пользу отказа в приведении в исполнение.

При формировании панели из трех и более арбитров сторонам необходимо мыслить стратегически. Например, выбирать арбитра исходя из его «боевых» качеств можно в противовес партизану, приглашенному другой стороной. Если спор возник по поводу российского актива, но подчинен английскому праву, юрист с опытом работы в России может быть весьма полезен в качестве арбитра российской стороны, но в зависимости от существа дела его может перевер-

нуть опытный английский барристер. Статистика ключевых мировых арбитражных институтов говорит о пока что низкой популярности российских арбитров в мире (за 2017 год в ICC пять соарбитров и два председателя из почти полутора тысяч арбитров были из России, в LCIA всего один арбитр, а в SCC и вовсе ни одного).

В любом случае, как бы юристы ни старались учесть все возможные факторы, выбор арбитра нередко остается своего рода «прыжком веры». Во-первых, предугадать, как арбитр отнесется к конкретному спору и его сторонам, зачастую невозможно. Во-вторых, предсказать, как выстроится баланс сил внутри состава арбитража, также весьма трудно. В-третьих, значительную (если не определяющую) роль в разрешении спора играет председатель состава арбитража, который либо назначается институтом, либо выбирается арбитрами сторон. Случаи, когда стороны могут повлиять на выбор председателя, не так часты.

Таким образом, выбор арбитра — это большая работа, требующая профессионализма и опыта. Стоит сделать выбор неправильно, как одно из главных достоинств арбитража станет для неудачливой стороны его главным недостатком.

Назначение арбитра ИНСТИТУТОМ

Складывается ощущение, что гораздо легче и честнее переложить бремя выбора арбитра на арбитражный институт. Арбитр, выбранный институтом, не заинтересован в том, чтобы подыгрывать кому-либо из сторон, и с меньшей вероятностью будет предубежден по поводу сути спора. При этом институт, как правило, заботится о том, чтобы выбрать для рассмотрения дела наиболее подходящих специалистов. Например, в контексте споров, связанных с СНГ, институ-

⁸ Posner R. *Judicial Behavior and Performance: An Economic Approach*, 32 FLA. ST. U. L. REV. 1259 (2005); https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=2857&context=journal_articles.

ты пытаются учитывать опыт работы в регионе и языковые навыки и предлагают арбитров, по их мнению, обладающих необходимыми параметрами для оптимизации ведения процесса. Помимо того, стороны экономят время и деньги, которые их представители потратили бы на поиск «идеального кандидата».

С другой стороны, назначение арбитра институтом отнюдь не гарантирует абсолютную непредвзятость последнего. Если от института зависит назначаемость арбитров, то каждый из них будет заинтересован в том, чтобы максимально соответствовать ожиданиям такого института. Это также может отразиться на рассмотрении дела. И так ли велика в случае назначения арбитров институтом разница между судом и арбитражем?

По мнению упомянутого выше Гэри Борна, право выбора арбитра у сторон подразумевает их свободу определять степень своего участия в этом выборе⁹. Стороны могут как оставить право выбора себе, так и передать его арбитражному институту. Таким образом, сам момент выбора никуда не уходит, просто он добровольно делегируется третьему лицу, а следовательно, отличие от судебного разрешения споров все же остается. Тем более что стороны вправе изначально предусмотреть (в арбитражном соглашении или на более поздней стадии) определенные критерии выбора арбитров, которыми институт будет обязан руководствоваться.

Помощь института может оказаться незаменимой в ситуациях, когда стороны не могут прийти к соглашению при выборе единоличного арбитра, сторона срывает сроки выбора своего арбитра или не принимает участия в процессе формирования состава арбитража, при множественности истцов или ответчиков, не могущих согласовать консолидированный выбор. Наконец, нередко институтом назначается председатель состава арбитража — это имеет смысл,

поскольку институт приглашает такого арбитра, которому может без сомнений поручить руководство всем процессом арбитража.

В «сложных» юрисдикциях, где арбитраж порой используется как средство вывода активов, назначение арбитров институтом играет иную, более важную роль. В частности, назначая профессионального и добросовестного арбитра, институт способен воспрепятствовать проведению фиктивного процесса, который мог бы состояться при сговоре сторон и выбранных ими арбитров.

Таким образом, назначение арбитров институтом никак не умаляет уникальность арбитража. Более того, подобный порядок назначения весьма полезен и даже незаменим в определенных ситуациях. Тем не менее, на наш взгляд, только участвуя в выборе арбитра лично и с помощью консультантов, сторона может сделать максимум для того, чтобы сформированный в итоге состав арбитров действительно понимал всю сложность конфликта, его коммерческий контекст и особенности, присущие той или иной стороне.

Международный арбитраж — это дорогостоящий сервис по отправлению правосудия. Выбор арбитра является неотъемлемой частью такого сервиса, позволяя сторонам надеяться при заключении арбитражного соглашения, что именно через выбор арбитров реализуются ожидания (а порой иллюзии) сторон, что, в отличие от государственных судов, спор будет рассмотрен более компетентно и всесторонне лицами, которые обладают знаниями и опытом, соответствующими сложности и специфике проекта или сделки, ставших предметом разбирательства.

В конце хотим лишь пожелать, чтобы *arbitral appointments* не стали для читателей *arbitral disappointments*¹⁰.

⁹ Paulsson J. *Moral Hazard in International Dispute Resolution // Inaugural Lecture as Holder of the Michael R. Klein Distinguished Scholar Chair University of Miami School of Law 29 April 2010*; https://www.arbitration-icca.org/media/0/12773749999020/paulsson_moral_hazard.pdf.

¹⁰ Оригинал отчета об исследовании доступен по ссылке: https://www.blplaw.com/media/pdfs/Reports/BLP_Arbitration_survey_2017.pdf.

СТОКГОЛЬМ

столица Швеции

Год:	Площадь:	Население:	Самая высокая точка:
1187	188 км ²	939 238 человек	Башня Какнестурнет 170м

Достопримечательность

Дроттнингхольм

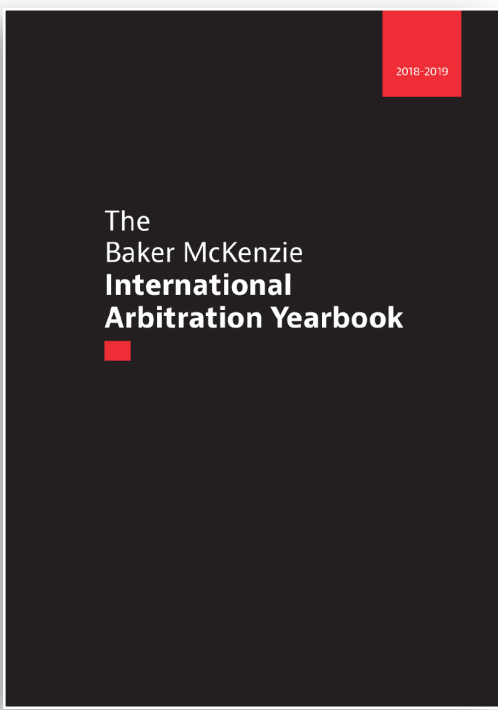
Дроттнингхольм – это дворец, который с 1981 года является резиденцией шведских королей. Достопримечательность в 1991 году официально включили в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Дворцовый комплекс был построен королем Швеции Юханом III. Однако замок сгорел в 1662 году, и впоследствии королева Хедвига Элеонора приказала построить новый дворец.

Комплекс удивляет достойной реализацией стиля барокко. За этим объектом находится уникальный придворный театр, один из самых старых, существующий в мире на сегодняшний день. Дроттнингхольм окружен замечательным парковым комплексом, включающим в себя французские сады, беседки и лабиринты, английские сады с живописными лужайками и прудами.

Арбитражный институт

Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма

BAKER MCKENZIE IS SOON TO RELEASE THE 12TH EDITION OF THE INTERNATIONAL ARBITRATION YEARBOOK 2018-2019!

We are pleased to announce that the latest edition of **The Baker McKenzie International Arbitration Yearbook** will be available soon.

In this edition, we look at important developments in arbitration in 45 jurisdictions over the past year, including new legislation, institutional rules, and key cases.

This year's edition includes a special feature on diversity in arbitration.

**Baker
McKenzie.**

MANSON

Инфопартнеры

Arbitration.ru

CIS Arbitration Forum

Russia- and CIS-related International Dispute Resolution

LF LAW FIRM.RU